

Трилогия
в одном
томе

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН

Опергруппа в Лукошкине

Москва, 2017

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН

Трилогия
в одном
томе

- Тайный сыск царя Гороха •
- Заговор Черной Мессы •
- Летучий корабль •

 Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б43

Художник
И. Воронин

Белянин А. О.

Б43 Опергруппа в Лукошкине: Тайный сыск царя Гороха; Заговор Черной Мессы; Летучий корабль / Послесл. И. Черного.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017.— 639 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-0145-1

Спецслужбы были и будут всегда! Яркие будни сотрудников 1-го милицейского управления г. Лукошкино ежедневно разнообразят всякого рода чернокнижники, бояре-ворюги, Кощей Бессмертный, не к ночи будь помянут. На пути сказочных безобразий неприступной стеной встают младший лейтенант милиции Никита Иванович Ивашов, рядовой Митька и эксперт-криминалист Баба-яга. В Лукошкино — стольный град царя Гороха — бывший участковый Н. И. Ивашов попал по разнарядке неведомых сил из Москвы и вот уже в который раз успешно распутывает сложные дела, изгоняет супостатов, обхитряет хитрецов.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-0145-1

© Белянин А. О., 2008
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2008

● Тайный сыск
царя Гороха ●

— Встать, суд идет!

В душном помещении находится всего несколько человек: подсудимый с конвоирами, двое свидетелей, молодой участковый, адвокат, прокурор плюс два практиканта из Саратовского юридического университета. Дело будничное и скучное.

«Гражданин Д., находясь в нетрезвом состоянии, влез по пожарной лестнице в окно квартиры гражданки М., каковая в это время ушла в магазин за хлебом. Д. взял из квартиры деньги в размере 48 рублей и ценные вещи, как то: магнитофон «Маяк» 1967 г. выпуска, телефонный аппарат, четыре фужера хрустальных, вазу для цветов деревянную, с росписью под хохлому, завязал все это в скатерть и пытался совершить кражу. Но, сбегая по лестнице, поскользнулся, упал и сломал ногу. Вышедшие на шум соседи вызвали наряд милиции, которая и доставила похитителя в отделение, где ему была оказана необходимая медицинская помощь. От признания себя виновным гражданин Д. отказывается, ссылаясь на то, что был пьян.

Материалы по делу предоставлены участковым Серпуховского отделения милиции г. Москва.

Доклад составлен младшим лейтенантом Ивашовым Н.И.».

Суд выносит приговор, осуждая виновного по статье № 158 «Кража со взломом» к лишению свободы сроком

на четыре года с отбыванием наказания в колонии обычного режима. Подсудимый вскакивает с места и кричит:

— Не виноватый я! Бес попутал...

— Ку-ка-ре-ку!

Опять тот же сон... Что за напасть? Третий раз за последнюю неделю. Никак не могу толком выспаться... Это было мое первое дело. Особо я себя ничем тогда не проявил, запомнилось лишь потому, что первое и... последнее — в том мире. А солнце уже пробилось сквозь ставни терема и теплым лучом щекотало ресницы. Не хочу вставать...

— Ку-ка-ре-ку!

Уф... убью я этого петуха. Сегодня же скажу Яге, чтобы она из него суп сварила. Никакого сострадания к работникам милиции — будит, зараза, в пять утра!

— Никитушка-а...

Ну вот, легка на помине!.. Сейчас скажет, чтоб я, касатик, вставал, что завтрак на столе, что бумаги царевы еще с вечера не разобраны, и пошло-поехало... В гроб она меня вгонит своей заботой.

— Никитушка... Вставай, касатик, завтрак уже на столе. Самовар кипит, блинчики горячие, а я сметанку из погреба достала. А то ведь сам знаешь, бумаги-то царевы со вчерашнего неразобраны лежат. Нехорошо... А то ить, как осерчает царь-батюшка, он у нас на расправу крут, ведь не сносить тебе головы, сокол ты наш ясный.

— Ох, бабуля... — Я сладко потянулся под пестрым лоскутным одеялом. — Что ж ты меня с утра пораньше да все запугиваешь? У нашего Гороха на все царство-государство только один младший лейтенант милиции. Не будет меня, кто здесь еще работать станет?

— И не говори, голубчик, окромя тебя-то, уж точно некому, — любезно поддержала меня Баба-яга, но линию свою гнула твердо: — А ты все равно вставай. Чай, не забыл, что Гришка с Никишкой с вечера в порубе сидят, твоего разбирательства дожидаются.

Вот так... Не мытьем, так катаньем, но бабка своего добьется. Да я и спорю-то больше для профформы. Ясное дело, что поспать больше все равно не удастся. Ладно, пойду съем чего там наготовили и — за дела. Никишка с Гришкой — это два лопуха из соседней Подберезовки. Вчера упились медом у ярыжки — и давай прохожих задирать. Народец здесь нетрусливый, повязали охломонов да к нам в холодную. Ну ночку они в порубе провели, протрезвели, образумились. Выпускать их надо, к лешему, Митяй обоим по затылку даст — и на свободу с чистой совестью. Я встал, распахнул окно, сделал несколько коротких гимнастических упражнений. Хорошо!.. Умылся в лохани, снял с гвоздя чистое полотенце, вышитое крестиком, вытерся, натянул форму и спустился вниз. Моя домохозяйка хлопотала у широкого стола. На белой скатерти был приготовлен настоящий пир — здоровенная гора блинов, две миски — с медом и сметаной, клюква моченая в туеске, парное молоко в крынке и непременный самовар.

— Ну, бабуся, ты у меня просто прелесть! — Я чмокнул старушку в щеку и бухнулся на скамью.— Сейчас поем, а потом быстро за дела. Митяй еще не подошел?

— Как не подошел, касатик? Он еще до петухов на завалянке сидел, все тебя дожидался.

— Буду... скоро буду...— прочавкал я.

Яга присела на табуреточку у печки, не сводя с меня умиленного взгляда. Должен признать, что царь проявил редкую проницательность, поселив меня на квартиру именно к Бабе-яге. Старуха давно скучала одна, замужем не была сроду, ни детей, ни плетей — вот и изливала на мою скромную особу весь запас нерастраченной материнской нежности. К тому же в деле сыска была просто бесценным информатором. Откуда что знала — ума не приложу...

— Никитушка... Я вот все спросить хочу, а почему ты каждое утро к столу при всем параде выходишь, а?

— Не при всем... китель и фуражка остались в сенях.

А форма нужна для солидности. Ты ж знаешь царских гонцов — ни свет ни заря все ломятся со своими депешами. Не могу же я их в рубахе да подштанниках встречать? Уважать перестанут.

Я врал. Просто милицейская форма — это то немногое, что еще связывало меня с моим миром. Уже почти два месяца как я заброшен в сказочную страну, неизвестно какое царство-государство, и несу привычную службу по охране закона и порядка. Живу в столице, большем по здешним меркам городе под названием Лукошкино. Правит им царь Горох. Крепкий неглупый мужик с густой бородой и прогрессивным взглядом на жизнь. Когда он узнал, кто я и чем занимаюсь, то сразу же предложил создать столичное управление милиции, а меня назначил туда воеводой. Правда, воеводствовать мне особенно не над кем. Вон разве что Митяй... Этого парня мне дали в нагрузку, попросили пристроить к делу. Сам он из деревенских, двадцати трех лет от роду, росту два метра да в плечах полтора, силища немереная, храбрости хоть отбавляй, единственное, чего нет, — так это ума. Во всем прочем — отличный исполнитель и слушается меня, как родную маму.

— Никитушка, — прервала мои воспоминания бабка, быстрым шагом семеня к окну, — а ты ить прав был, вон они, настырники, едут! Видать, у царя опять случилось чего. Ох-ох-ох, дела наши грешные... И поесть-то спокойно не дадут.

— Ладно... — Я отодвинул миску с медом. — Бабуль, сделай мне по-быстрому стаканчик чаю, а там уж так и быть, пусть войдут.

Из-за окна раздался нестройный шум голосов:

— А ну пропусти, сиволапый! У нас цареве дело.

— Обождет, — невозмутимо отвечал бас верного Митяя, — батюшка воевода милиции еще завтракать изволят.

— Так ты, деревенщина, нам еще указывать будешь? Батогов захотел?!

Разговор оборвался после двух глухих ударов. Я при-
встал на скамье — обычно с таким звуком падает тело.

— Спаси и сохрани... — засуегилась Яга, вновь подбе-
гая к окошку, — уж не убил ли он их, горемычных? Нет...
Вон к колодцу тащит, у сруба положил, щас водой обо-
льет. Глянь-кась, Никитушка, зашевелились!

— Пойду я. Спасибо за хлеб-соль, хозяйюшка. Как ни
верти, а придется за дело браться. Да, а что у нас на
обед?

— Пирог с визигой.

— Мм... замечательно! Прибереги, если буду удержи-
ваться. Мне сегодня жалованье получать.

— Ты уж деньги-то, милоч, суй за пазуху подальше,
украдут, не ровен час...

— У лейтенанта милиции? Не смехи, старушка! —
Быстро захватив в сенях китель и фуражку, я вышел на
крыльцо.

— Здравствуйте, батюшка.

— Здорово, Митяй. Кого это ты там поливаешь?

— Да вон холопы царские. Твою милость видеть хоте-
ли. Уж я уговаривал, объяснял, мол, воевода кушать из-
волит, а они, неслухи, ни в какую! Вынь да положь, а не
то, говорят, терем разнесем! Ну уж я так и эдак, и по-хо-
рошему, и с поклонами...

— Брехло ты, Митька, — удовлетворенно крикнул я. —
Ладно, поплескай еще, пусть скажут, зачем пожаловали.

Мой напарник от щедрой души вылил по полному
ведру воды на каждого. Нарядные гонцы походили те-
перь на свиней, блаженствующих в луже.

— А... ап... смилуйся, батюшка! Отзови ты, Христа
ради, своего ирода. Мы ж по делу...

— Вежливость — превыше всего! — наставительно от-
метил я. — Вон на воротах расписание висит: прием
граждан с девяти ноль-ноль. А сейчас не более половины
седьмого. Чего ради волну гнать?

— Так ведь спешное дело, государево, — приподнялся
один, а другой так и сидел, раскрыв рот и проверяя паль-

цем сохранность каждого зуба.— Царь наш просит тебя немедленно во дворец идти, у них в казне большая покража обнаружилась. Мало три сотни золотых червонцев как корова языком слизнула!

— Ну уж корова-то здесь точно ни при чем,— буркнул я.

Третья кража за две недели. Предыдущие были не так заметны, и царь не давал им огласки, думая, что сам засунул куда-нибудь ключи и перстень с хризопразом. Значит, допекло его величество...

— Эй, Митяй! Запрягай кобылу, опергруппа, на выезд!

Царский терем был огромен — четыре этажа! В городе, где основная масса изб вообще едва видна от земли, это впечатляло. Дождя, слава богу, давно не было, дорога сухая, и мы добрались сравнительно быстро. Можно было бы и еще быстрее, если верхами, но в здешних краях престиж превыше всего. Как человека, облеченного властью, по вызову батюшки-царя меня всегда доставляли на телеге со специальным подобием кресла. Это мы с Митяем к табуретке спинку приколотили, укутали соломой, прикрыли ковром — получилось не хуже трона. Крестьяне и ремесленники при виде меня, гордо восседавшего на телеге с таким диковинным сиденьем, снимали шапки, кланялись и крестились. У ворот, путаясь под ногами у невозмутимой стражи, суетился думный дьяк Филимон. Обычно он и отсчитывал мне десять червонцев в месяц, по три раза проверяя и норовя подсунуть старые, затертые. Дьяк был худ, высок, имел бегающие глазки, козлиную бородку и сварливый нрав.

— Где ж тебя черти-то стоко времени носят?! — накинулся он, даже не дожидаясь, пока я слезу.

— А где ваше «Здравствуйте, товарищ участковый»?

— Ну, здравствуй, здравствуй, сыскной воевода. Государь уж истомился весь, кричит, ногами топает, а тебя нет как нет!

— Вы не одни, вызовов полно, людей на все дела не хватает...— привычно забубнил я, но Филимона на мякине не проведешь.

— Хитер ты больно, лейтенант. Гляди, доведешь ба-тюшку — повисишь денек на дыбе, поумнеешь!

При случае обязательно дам ему в глаз, но сейчас не время и не место. Мы поднялись по ступенькам наверх. Царь ждал меня в главном зале на третьем этаже. Когда мы вошли, он мерил комнату шагами от окна до окна.

— Заходи, Никита Иванович... Жду тебя. А ты пошел вон.

— Но батюшка... а как же... кто ж слова твои мудрые записывать будет? Не ровен час, какое слово и утерается.

— Пошел вон! — рявкнул государь, замахиваясь на дьяка скипетром, но тот успел выкатиться за дверь.

Да, настроение у его величества не очень. Горох в таком состоянии действительно крутоват и скор на расправу.

— Ограбили меня,— глухо пожаловался он.

— Слышал. Давайте по порядку.— Я присел на скамью и раскрыл планшетку.— Какие ценности пропали?

— А ты не знаешь?!

— Слушайте, кто из нас двоих следователь — вы или я?! — Еще в школе милиции нам вдалбливали в головы — все под запись, все как положено, отчетность и еще раз отчетность.— Спрашиваю второй раз: что пропало?

— Перстень с хризопразом золотой, персидской работы. Сундучок дубовый, уголки да крышка железом резным обиты, в нем монет сотни три, а то и больше...— пустился перечислять царь.

— Минуточку, гражданин! Помнится, на прошлой неделе у вас якобы пропали ключи?

— Ключи-то нашлись, под кроватью у меня валялись, а вот прочего нет.

— Все ясно. Кого подозреваете?

— Да всех! — разгорячился государь.— Ежели ты эту

пропажу не найдешь, я тут всю челядь на кол пересажаю! А тебе велю голову отрубить, чтоб впредь не врал, будто воров ловить учен был.

— Ну вы не очень-то... Милицейское управление лучше бы на ноги поставили, а то орете тут! Кто мне под начало тридцать стрельцов обещал? Кто божился ночное конное патрулирование финансировать? А матерьяльная база? Две кобылы да телега! Из всей сыскной бригады — один Митяй. Ну не разорваться же нам обоим!

— Ладно... не сердчай,— отошел Горох, но тут же стукнул кулаком по подоконнику: — А воров все ж таки найди!

— Найду, найду... куда они денутся. Где сундук-то стоял?

— Ясно где — в подвалах, где и прочая казна хранится.

— Мне надо осмотреть место преступления.— Захлопнув планшетку, я поднялся и кивнул царю: — Прошу следовать за мной.

Мы спустились в подвалы. Вход охраняла стража из четырех сменных стрельцов, однозначно утверждавших, что никто из посторонних к государевой казне близко не подходил. Знакомая картинка... Никто ничего не видел, не слышал и вообще не знает, о чем речь. Пока царь доставал ключи, я внимательно осмотрел здоровенные замки. Никаких следов взлома, если и открывали, то не самодельной отмычкой, а родными ключами. Петли, скобы, кованые гвозди — все настолько надежно, что хоть взрывавай, одной фомкой никак не взять. Царь наконец отпер дверь, и мы вошли внутрь. Двое шагнувших следом стрельцов зажгли свечи в высоких подсвечниках. Сравнительно небольшое помещение оказалось чуть ли не под потолок заставлено сундуками, коробами да бочками.

— Тут весь запас — золотой, серебряный и медный. Каменья самоцветные в другом месте держу. Вещи из злата-серебра — тоже.

— А-а, тут, значит, у нас только монеты?

— Только они,— подтвердил государь.

— Это правильно. Личные сбережения нельзя держать в одном месте. Вот еще: кто имеет постоянный допуск к золоту?

— Я, боярин Мышкин, казначей Тюрю да дьяк Филимон. Ах вот оно что,— внезапно догадался Горох.— Вот, значит, о ком ты речь-то вел?.. Кого подозреваю, говоришь? Зело умен ты, воевода участковый. Сей же час всех троих на дыбу!

— Э-э-э... Ничего подобного я не говорил! — завопил я, потому как с него станется. С какой скоростью царские палачи выбивают «добровольное признание», не снилось ни одному журналисту, пишущему о беспределе во внутренних органах.— Совсем наоборот. Если сейчас мы арестуем пару невинных, вор успокоится и заляжет на дно. А я хочу, чтобы он от неизвестности занервничал, запаниковал, начал совершать ошибки и выдал себя с поличным.

— Мудрено... На дыбе-то оно побыстрей да понадежней.

— Слушайте, у вас тут есть хоть какое-то понятие о презумпции невиновности?

— Будь по-твоему! — решил государь.— Вот тебе сроку — ровно неделя. Сыщи вора! Награжу шубой с плеча и на конную милицию отсыплю. Ну а не сыщешь, так и не взыщи: твоя спина — мой кнут.

Я молча пожал плечами. А что делать? В данной ситуации спорить не приходится... Царь на то и царь, что в любом случае прав.

— Пусть вечером ко мне в управление зайдут все трое. Повестки передать или сами явятся?

— Явятся, куда ж им деться,— многозначительно пообещал царь Горох.— А не пойдут, приведут поневоле!

Домой ехали не торопясь, в размышлении...

— Чегой-то не пойму я, батюшка, ежели, как ты сказал, замки-то не тронуты, у дверей стрельцы с оружи-

ем — как же цельный сундук с деньгами уплыл? Нет... Тут дело нечистое, без колдовства не обошлось!

— Наличие элементов колдовства еще доказать надо. Наша с тобой задача — следовать фактам. Факты — штука серьезная, бескомпромиссная, и с ними не поспоришь. А колдовство... Знал бы ты, какие суммы исчезали в наших финансовых пирамидах без всякой магии... Будем действовать по правилам. Надо выяснить, кто конкретно отвечал за подбор охраны, пусть он проверит своих людей. Завтра же еще раз обследовать весь подвал. Там этих сундуков выше крыши! Может быть, еще чего-нибудь пропало, просто в глаза не бросается. Да, сейчас отвезешь меня домой, а сам дуй на базар, бабка длинный список составила — где чего купить. А вечером пойдешь в кабак...

— Благодарствую, воевода-батюшка! — радостно осклабился парень, но я его несколько приспустил с голубых небес на грешную землю:

— Ты смотри у меня! Пей, да знай меру... Если опять на бровях придешь — в поруб посажу, он себя как медвытрезвитель лихо оправдывает. Помни — не просто идешь, а по заданию.

— Вот те крест, не подведу! А тока ежели в кабаке не пить, то какого же рожна мне там делать?

— Ну а ты походи, поприглядывайся, поприслушайся. Надо выяснить, что об царской краже в народе известно. Что люди болтают. Если вор неопытный — он деньгами сорить начнет, сообщники тоже этим отличаются, может, кто чего спьяну и сболтнет...

— Понял, батюшка. Все как есть исполню, не извольте сомневаться. А ну, пошла! Пошла, залетная!.. Эгей!

Рыжая кобыла пустилась тряской рысью. Митька явно обрадовался заданию. Филерской школы у парня никакой, но учиться надо. Пока еще здесь удастся наладить агентурную сеть... Работаем с чем приходится.

Моя хозяйка ждала у окошка. Увидев нас, всплеснула руками и скрылась в дому. Держу пари, побежала доста-

вать пироги из печки. Я выдал Митьке один золотой червонец (да разве нормальный человек забудет получить у думного дьяка свой кровный оклад?), еще раз наказал, чего купить, и отправил на базар. Бабка покормит его по возвращении. Именно Яга настояла на том, чтобы мы ели раздельно: я в горнице, он в сенях, где и спал. Зазорно-де воеводе сыскному со своими же холопьями за одним столом сидеть. Уважать не станут. Я махнул рукой — за те два месяца, что здесь живу, знаю — старуха плохого не посоветует!

— Ну заходи, мила-ай... Снимай ботинки свои чудные, запылились небось. Я вон шлепки тебе новые связала. Обед на столе, банька греется...

— Ладно, ладно, и так все расскажу. Времени в обрез, к вечеру царь в управление подозреваемых пришлет. С чем пироги-то?

— А с визигой, как поутру и договаривались. Ты уж садись, касатик, да ешь, вон бледный какой...

Я ополоснул руки и сел за стол. Ну, да тут и кроме пирогов всего полно. Бабка кормит меня как на убой. Люди поговаривали, будто она в столице лишь последние лет десять живет, а до этого в лесу разбойничала. Не знаю... Все возможно. Возраст я у нее не спрашивал, женщина все-таки. Внешне вполне соответствует своему имени — горбата, нос крючком, зубы острые, желтые, на ногу прихрамывает, один глаз голубой, другой фиолетовый. В сенях ступа с помелом, по терему черный кот разгуливает... Да нормально все! Здесь все такие. В лесах лешие, в болотах кикиморы, в речках русалки, а люди живут себе... Я ведь тоже не забиваю этим голову, много думать вредно. У меня моя работа, стабильная зарплата, все льготы, какие захочу, отчего же не жить? Телевизора не хватает...

— Да, тяжелая твоя служба, — сочувственно вздохнула Яга, когда я по ходу разборки с пирогами в общих чертах разъяснил суть дела. — Чем могу — помогу, но ты уж от меня многого не жди — годы не те...

— Бабуля, ты у меня в любом возрасте просто прелесть! Вот Митяй из кабака вернется, мы это жулье быстро переловим. Руки за спину, наручники, телогреечку с номером — и, как водится, по этапу...

— Уморишь ты меня, касатик,— расчихикалась бабка.— Да ты ешь, ешь, а меня слушать и с пирогом во рту можно. Я, слышь-ко, че тебе предлагаю... Как будешь энтых троих на допрос вызывать, ты меня-то из горницы не гони. Я вон в уголке незаметно посижу, носки вязать стану, а сама слушать да примечать. Как кто врать-то начнет, я это враз угляжу! У меня на мужиковскую брехню глаз наметанный...

Я только головой покачал. Да пусть сидит, жалко, что ли? Дело, по первому взгляду, не представлялось слишком сложным. Не много народу могло войти в царское денежное хранилище. Сбежать из города с деньгами практически невозможно: прежде чем послать за мной, Горох повелел закрыть ворота. Украсть и закопать? Не вижу смысла.

Мне почему-то казалось, что вор обязательно проявит себя. А пока я намеревался вести следствие, как нас обучали в школе милиции. То есть начать с вызова и опроса лиц, имеющих доступ к ограбленному объекту.

В назначенное время у наших ворот появились все. Если бы только те, кого я ждал...

Ох, елки зеленые! Дьяка Филимона сопровождало трое стрельцов с бердышами на изготовку. Казначей Тюря рыдал в обнимку с женой и вопящими детьми. Боярин Мышкин так вообще умудрился приволоочь за собой все подворье: жену, ребятишек, престарелых родителей, близкую и дальнюю родню, холопов, бабок, няnek — всех, от последнего служки до первого пастуха. Вой стоял — хоть уши затыкай! За всю мою практику ничего подобного не было. Они же все трое как на казнь собрались. Небось и рубахи чистые надели, и в церковь сходили, и завещание огласили, и милостыню нищим раздали... А на воротах наших уже сидел повсеместно

известный юродивый Гришенька, в драной рубахе и с полупудовым крестом на шее, восторженно болтая босыми ногами:

— Вот и суд ваш, кровопийцы! Ужо покажет вам участковый... Никитка-то, он на правез ох как скор! На сажень в землю видит, за версту вора чует. Довольно вам бога гневить, пора и ответ держать!

Толпа откликнулась на его митинговые лозунги новыми взрывами стонов и рыданий.

— Гришенька! Смилуйся, помолись перед Господом за нас, грешных,— голосили бабы.

Я начал несколько нервничать. Баба-яга поняла мое состояние с полувзгляда и, быстро убрав со стола, кряхтя, направилась к двери.

— Всех сразу звать али по старшинству?

— Давай по старшинству,— подумав, кивнул я.

Пусть этот противный дьяк помучается в ожидании...

Не знаю, что им там сказала Яга, но крики за окнами стихли так резко, словно всем рты позатыкало. Минуту спустя бабка впустила в горницу дородного бородатого мужчину в дорогих одеждах и высокой бобровой шапке.

— Садитесь, гражданин.

Боярин остался стоять у входа, сверля меня суровым взглядом. Старуха незаметно отплыла в сторону и устроилась в уголке за печью с вязаньем. Я положил на стол планшетку, достал авторучку и приступил к планомерному допросу.

— Гражданин Мышкин?

— Бояре мы,— прогудел мужчина.

— Пройдите и сядьте! — повысил голос я.— Пока мы с вами просто беседуем. Не устраивает — можем продолжить в пыточной у Гороха. Я слышал, тамошние палачи — мастера своего дела.

Мышкин вздохнул, хлюпнул носом, подошел и осторожно сел на скамью напротив.

— Продолжим следствие. Ваше имя, отчество, год рождения?

— Афанасий, сын Федоров. Когда родился — не ведаю, про то у попа в книге записано, а нам знать без надобности.

— Ладно, уточним у отца Кондрата,— пометил я.— Что думаете о краже в царской казне?

— А чего ж тут думать? Мы к тому непричастны. Казна, она большая, ежели кто чего слегка и прихватил, так ведь на то и колодец, чтобы пить.

— Ну, если понемногу, то, может быть, и действительно не так заметно. Но в этом случае подобные действия трактуются как «планомерное расхищение государственной собственности». Мы же имеем дело с конкретной кражей. Три сундука с золотом...

— Чего ж это — три?! — аж подпрыгнул Мышкин.— Откуда три-то взялось? Один сундучок всего и был! Неча напраслину на людей возводить...

— А вы откуда знаете, что украден именно один и что именно сундучок, а не ларец, не мешок, не бочонок? — ласково любопытствовал я.

— Так ведь... это... все вон знают! Ты любого в городе спроси — он те сразу скажет. Земля-то она слухом полнится.

— Допустим... Ну а вот лично вы чем занимались весь вчерашний день?

— Дык... как же... упомнишь тут... — насупился боярин, запуская обе руки в бороду, словно ловя там кого-то.— Спал да ел, по хозяйству холопам дела распределял, во дворец после обеда захаживал, в баньку под вечер, ну и ужин с осетринкой, поросенок с кашей, пироги с ягодой, меду немного...

— Достаточно. А в подвалы, где казна хранится, заходили?

— Нет! Как можно! Не был я там!

— А почему, собственно, нет? Царь Горох утверждал,

что вы относитесь к лицам, имеющим допуск в хранилище.

— Бываю там, верно, но редко бываю... Моя служба — стрельцов у входа ставить. Чтоб глядели в оба! А внутрь я не захожу. Что я там, денег не видел?

— Ясно. Значит, вы отвечаете за охрану объекта. Что ж... должен вас огорчить. Раз уж произошла кража, то, найдем мы вора или нет, в любом случае выговор за халатность вам обеспечен.

— Избавь от гнева царского, батюшка сыскной воевода! — неожиданно рухнул на колени перепуганный боярин. — Вовек твоей услуги не забуду. Неповинен, неповинен я! Не губи душу, отпусти на покаяние!

— Встаньте! Сейчас же встаньте, Афанасий Федорович! — вскочил я. — Люди войти могут, а вы тут на коленях ползаете. Что за манеры? Вы в милиции, а не в храме. Встаньте!

— Не губи... В доме семеро по лавкам, жена восьмым брюхатая! — продолжал изливаться Мышкин, не обращая никакого внимания на мои попытки его поднять.

Баба-яга бросила вязанье и поковыляла на помощь.

Боярин надрывался вовсю:

— И здоровье не то уже... Почитай что ни день, то сердце ломит! Сынков-то два всего, остальные дочки. Им расти, а мне приданое готовить. А как засадит государь в острог, кто их, сиротиночек, замуж-то возьмет?! Не губи, воевода! Христом Богом молю!..

Как мы его в дверь вытолкали — ума не приложу... Японский городской! Если тут каждый будет устраивать подобную истерику, никаких нервов не хватит. А потом говорят, милиция не страдает гражданам... Ну вот пострадайте такому — он из вас веревки вить начнет, а воровать не перестанет. Я выглянул в окно. Боярин Мышкин, рыча, понараздавал оплеух дождавшимся слугам, с трудом взгромоздился на коня и с довольной рожей отправился домой. Толпа родственников, слава Бога и распевая песни, двинулась следом.

— Ну, что скажет наш детектор лжи?

— Врун он, батюшка,— твердо объявила Яга.— Да и трус в придачу. Ты бы проверил еще разок, чего он там наплел.

— Это я и сам мог сообразить. Есть в его болтовне пара несостыковочек... Я-то, признаться, думал, что ты, старая, мне сразу на вора укажешь.

— Так я тебе и указую — вор он! — подтвердила бабка.— Хоть мою голову на плаху клади, а таскал он золотишко из казны. Вот только он ли сундук уволок — о том не ведаю...

— Значит, будем проверять остальных. Казначей у нас за что отвечает?

— Как? А деньги принять, посчитать, разделить, кому в долг, кому на дело, какие налоги где, кто принес, сколько — все казне прибиток.

— Понял. Говоря проще — бухгалтер-экономист,— пометил я.— Ну, с распределением бюджета мы сейчас возиться не будем, это уже финансовой инспекции ближе. Мы его потрясем на предмет банальной кражи. Да, а дьяк-то наш, он что в хранилище делает?

— Пишет,— пояснила Яга, чуть удивляясь моей бестолковости.— Как же можно без дьяка-то? Боярин ли, казначей, а то и сам государь в казну зайти захочет, так дьяк с бумагой да чернилами тут и есть. Записать чего, оприходовать, опись составить, посчитать, жалованье царевым слугам выдавать, да мало ли... Вот Филимон там и трется.

— Уловил. Ну что ж, подруга дней моих суровых, давай следующего.

— Уже бегу, касатик. Сей же час поставлю перед очи твои ясные.

Хорошая у меня бабка, правда?

Тюра оказался человеком скрытным, размытым. На первый взгляд даже не разберешь, сколько ему лет. Кафтан простой, из хорошего сукна, но не новый. Сам лыс, бороденка куцая. Руки мне его не понравились — беспо-

койные... Пальцы, как белесые черви, так и возятся, ни на минуту не прекращая движения. Когда он вошел и без приглашения сел напротив меня, я нарочито пристально стал рассматривать его лицо, но так и не смог поймать прямого взгляда мутных серых глаз.

— Имя, фамилия, отчество?

— Тюря... и батюшка мой Тюрей был, и дед, стало быть... Казначей я здешний, не помните? А я вот вас, Никита Иванович, не впервой вижу. Вы, видимо, при дворе-то гость нечастый.

— Допустим.

— Ну вот я и гляжу, чем же мне лицо ваше знакомо... Вы, случаем, деньги в казну на сохранение под проценты не сдавали?

— Очень интересно...— От неожиданности я даже перестал записывать. Этот тип откровенно пытался всучить мне взятку!

— Вот ведь что я говорил! — обрадовался мой собеседник, обтирая лысину засаленным рукавом.— Только вы тогда спешили очень и роспись в книге оставить за-памятовали. Ну да дело молодое, с кем не бывает... Сколь денег-то в том кошельке было?

— Не помню,— поднапрягся я, едва удерживаясь от жгучего желания кликнуть стрельцов.— Но уверен, что сдавал я не кошелек, а сундучок.

— Точно! Именно так, батюшка... Полнехонький сундучок серебра.

— Золота!

— Смилуйся, отец родной,— аж покраснел от моей наглости взяточник.

— И за три года шестьдесят процентов прибыли!

— Да побойся Бога, сыскной воевода! — подпрыгнув, взвыл казначей.— У нас в Лукошкине отродясь таких процентов не было. И служишь ты у царя не три года, а без малого два месяца. Откуль я тебе такие деньжищи-то возьму?!

- Заговор
Черной Мессы •

Все началось с того, что в то утро меня опять разбудил петух. В нем вся проблема... Именно из-за этой скотины с гребешком и перьями я регулярно катастрофически не высыпаюсь! Естественно, утро испорчено и настроение на весь день — хуже некуда! Если Яга не внемлет моим стонам и молитвам, я сам его задушу. Или застрелю из стрелецкой пищали (правда, для этого мерзавца надо привязать перед самым дулом, иначе я из этой базуки ни в жисть не попаду). Может, Митьку попросить, он на него медвежий капкан поставит? Нет, нет, нет... О чем это я? Да наш Митяй первым же в этот капкан и угодит. Пусть уж лучше он его так ловит. Представив себе двухметрового парня с квадратными плечами, гоняющего кур по двору Бабы-яги, я невольно улыбнулся.

Прошу прощения, что не представился сразу. Ивашов Никита Иванович, младший лейтенант милиции, холост, в политических партиях не состоял, родился и вырос в городе Москве. В настоящее время являюсь главой первого лукошкинского отделения милиции. Лукошкино — это столица нашего царства. Правит здесь царь Горох, очень неглупый мужчина, будет время — расскажу о нем подробнее. Отделение наше расположено в двухэтажном тереме Бабы-яги, где я одновременно и квартирую. Эта милая старушка с горбатым носом и кривыми зубами входит в штат оперативно-следственной бригады, в плане сбора информации — совершенно незамени-

мый работник. Да еще и приколдовывает иногда. Я раньше сам в это не верил, пока лично не убедился. Ничего, привык... Еще у нас служит Митяй, тот самый герой с фигурой Терминатора, только ростом повыше, а мозгов... вровень, что у одного, что у другого. Он сам деревенский, образования никакого, вот и носится на подхвате. Однако все трое мы составляем неплохую рабочую бригаду, заставляя считаться с нами весь криминальный мир родного Лукошкина. Хотя, честно говоря, уголовников здесь маловато. Народец местный к профилактике преступлений относится очень серьезно, как поймают карманника на базаре, так всем миром отметелят, что бедолаге только у нас в отделении и спасение. Еще стрельцы, конечно, очень помогают. Царь выделил специальную сотню для патрулирования города. Ходят по трое, а старший, бородач Еремеев, каждое утро докладывает лично мне криминалистическую обстановку. Как видите, работа наша, милицейская, в любом времени в любом государстве всегда востребованная. А этот сволочной петух... На самом-то деле проблема, конечно, не в петухе, а в том, что я просто хотел отдохнуть. Правда, из этого все равно ничего бы не вышло, но факт самого хотения...

Итак, сначала петух, потом Баба-яга доделывает его «черное дело», ласково уговаривая меня встать и спуститься к завтраку. Потом оказывается, что к обеду меня ждет царь-государь, а за столом будет присутствовать полсотни девиц-красавиц сплошь боярского рода и, как одна, на выданье. У Гороха своеобразное мнение о том, как и чем надо награждать за верную службу. Наградить, конечно, стоило... Прямо скажу, мы тогда провернули неслабое дельце с шамаханским заговором. Но награждать женитьбой?! Это уж какое-то чрезмерное древнерусское самодурство. Нет, я вовсе не противник брака, не убежденный холостяк или чего хуже... нет! Только жену я хочу выбрать себе сам. И вовсе не обязательно

боярышню. По-моему, женская красота, ум и порядочность от сословий не зависят...

Так вот, в пиковый момент в терем залетает Митяй и на всю горницу орет, дескать, купцы пришли, дело у них. Я даже чуть не всплакнул от счастья — служба превыше всего! Значит, на смотрины к Гороху не идем, тирьям-пам-пам!

— Так что, воевода-батюшка, звать? — раздался из сени Митькин бас.

— Зови, я же сказал.

Баба-яга сидела в уголочке у печи, проворные спицы так и мелькали в умелых пальцах. Старушка обещала связать мне шерстяные носки на зиму, ну а заодно заменила в отделении так называемый «детектор лжи». Минутой позже представительная делегация вошла в горницу. Гости перекрестились на образа и поклонились сначала бабке, потом мне.

— По делу мы, Никита Иваныч.

Я указал на скамью. Все трое сели. Двоих я знал. Самый высокий и дородный, с окладистой рыжей бородой, был потомственный купец Аксенов Федор Борисович. Три собственные лавки, харчевня и постоянный двор; его дела, возможно, и попадавали «черным налом», но пока не шли в явный конфликт с законом. Вторым был его партнер по торговле персидскими тканями Кирокосьянц Арон Давидович. Выходец из далекой Армении, он уже лет десять безвылазно жил в Лукошкине. Перевез семью, открыл свой гостинный двор, склад, а в случае шамаханских налетов даже отправлял двоих сыновей в царское ополчение. Третьего я никогда не видел раньше, но мог догадываться... Черная шляпа с полями, длинная черная одежда, завитые пейсы на висках и острохарактерный нос.

— Я вас слушаю, граждане купцы.

— Ну, говорить, видать, мне придется, как старшому,— весомо решил Федор Борисович.— Так вот оно и получается — воруют у нас!

— У нас везде воруют — страна такая,— криво улыбнулся я.— Поподробнее дайте: что пропало, когда и где?

— А... это вот уж пусть товарищ мой доложит, весь учет через его руки идет.

— Ну что я тэбэ скажу, участковый? — даже привстал Кирокосьянец.— Клянусь мамой, сколько живу — такого нэ видэл! Вэришь, нэт?!

— Верю. Конкретней, пожалуйста.

— Вай, зачэм торопишь? Такоэ дэло бэз суэты разбираться надо. Все черноэ воруют.

— Как это — все черное? — не понял я.

Баба-яга в уголке тоже сделала удивленные глаза.

— Сам нэ знаю,— пожал плечами армянин.— Ткани пэрсидскиэ вэзем, в лавках храним, всэ на мэстэ, черных — нэт! Бархат черный испанский — нэт, кожа черная африканская — тожэ нэт.

— Господи, вы что ж там, негров свежуετε, что ли? — вырвалось у меня.

— Зачэм нэгров? Пантэра, лэв черный, змэи разныэ... Все на своем мэстэ лэжит, черный — нэт.

— Бред какой-то. Ладно, записал. Гражданин, вы что-то имеете добавить?

— Таки имею... Представиться позволите? Шмулинсон Абрам Моисеевич. Прибыл на днях в ваш трогательный милый город, имею честные намерения открыть меняльную контору с услугами опытного портного-гробовщика. Ви улавливаете суть? Вот ви человек молодой, благослови Господь, решаете жениться или, не приведи боже, помереть...

— Ближе к делу,— напомнил я.

— Ах, дело. Всегда дела, бедный еврей вечно должен работать, потому как дома больная жена и шестеро ребятшек, а всем хочется кушать. Горе в том, шо я вложил весь свой капитал в черную материю, которая, как ви уже поняли, мне нужна до зарезу. Нет, я могу оббить гроб и веселым ситчиком в цветочек. По мне, так пусть

покойник радуется, но поймут ли это родственники временно усопшего?

— Все ясно. Как я понял, вы, гражданин Аксенов, требуемый материал завезли?

— На том и стоим. Раз есть покупатель, мы ему товар всегда лицом предоставим.

— А вы, гражданин Кирокосьянц, получили материю на склад и взяли деньги с Абрама Моисеевича?

— Ну, взял. Пачэму нэ взять? Мы дэла честно вэдем. Он дэньги вечером принес, утром на склад пошли — там нэт ничего!

— И дело-то не в деньгах, — снова вмешался старший купец, — деньги мы хоть сейчас вернем. А только непорядок это! Вора сыскать надобно всенепременно.

— Сыщем.— Я захлопнул планшетку.— На первый взгляд ничего особенного. Можете идти, граждане, мы займемся вашими кражами.

Все трое встали, поклонились и вышли. Баба-яга пересела ко мне за стол, задумчиво зевнула и грустно доложила:

— Все честь по чести, Никитушка. Преступника посреде них нет.

— Вы хотите сказать, вора?

— Ну, воруют-то все трое, в ихнем деле без воровства никак нельзя, в торговле воровать сызмальства учат, а не то прогоришь. Я тебе о чем толкую-то: все они правду говорят, и ни один об жулье энтот странном ничего не утаил.

— Я думаю, нужна хорошая ревизия на армянский склад. Наверняка там много чего неучтенного или «пропащего», а черной ткани хватились лишь из-за того, что за ней пришел покупатель, к тому же оплативший все услуги вперед.

— А зачем? — хмыкнула Яга.

— Хороший вопрос, — согласился я.— Действительно, зачем? Мог прийти утром, товар — деньги. Не вполне понятно...

— Что делать-то думаешь, Никитушка?

— Начну с базара. Надо обойти все лавки и поинтересоваться, но ненавязчиво, не пропала ли где еще черная мануфактура.

— А еще кожу энту, негритянскую, не забудь.

— Африканскую. Не забуду. Эй, Митька, давай сюда, есть срочная работа. Значит, так...

Один из серьезных минусов нашего парня — это творческий склад ума. То есть ума как такового у него почти и нет, а та скромная масса, что есть, навеки отравлена вирусом созидания. Он любит творить! Дайте этой орясине любое задание — он его выполнит... Но так выполнит, что вы потом за голову схватитесь. После его походов на базар в качестве «народного контроля» за обвесом, недомером, нетоварным видом и т.д. отделение захлестнула волна жалоб от разобиженных торговцев. Проверяет степень пропеченности хлеба — сожрет полкаравая, уточняет наличие спирта в медовухе — вылакает весь жбан, если не отберут. А уж его извечная борьба за качество кислой капусты...

— В общем, слушай, — сурово начал я, — задание твое будет трудным, секретным и опасным.

— Батюшка сыскной воевода, да я... вы ж меня знаете... Живота не пожалею!

— Знаю, слишком хорошо знаю. Поэтому и настаиваю на четком и оперативном выполнении приказа. Никакой самодеятельности!

— Обижаешь, батюшка...

— Выдвигаешься в район базара. Ходишь по рядам, но ничего не трогаешь. Понял? Узнаю, что опять у старушек семечки кланчил, якобы «на нужды отделения», — накажу! А задача твоя — всех обойти, по всем лавкам побегать и выяснить, где, когда, по какой цене можно приобрести следующие товары: первое — ткань черная (шелк, ситец, бархат); второе — кожа черная (сафьян, хром, кирза).

— Осознал,— серьезно кивнул он.— А ежели я...

— Нет, покупать ничего не надо, спросишь и уходи. Бумагу, карандаш и сумку получишь у Яги, непосредственно перед выходом на задание.

— Уловил. Вот только...

— Нет, образцов не воруй, мне их сюда тащить незачем. Еще вопросы?

— Дык... ясно, не лыком шиты. Значитца, коли я...

— Митька, только попробуй! Подозрительным продавцам руки за спину не крутить и в отделение ко мне через весь город не волочь... Во всем прочем — действуй по обстановке. Главное, не привлекай особенного внимания.

Митяй тяжело вздохнул, развел руками, попытался козырнуть, притоптывая лаптями, и повернулся к Яге. Та достала большую холщовую сумку, сунула в нее лист бумаги и новенький карандаш, после чего от щедрой женской души бросила туда же два яблока и повесила парню на шею.

— Ты уж смотри там. Задание у тебя больно серьезное, не подведи нас с участковым.

— Не робей, бабуля, справимся! Но ежели что... уж ты мамане моей на деревню-то сообщи. Так, мол, и так... смертью храбрых... на боевом посту... Можно, я напоследок бублик с собою возьму? Все не так страшно пропадать во цвете лет...

— Бери, бери, родимый,— всхлипнула бабка, но уже через секунду поняла, что, собственно, происходит.— Ах ты, вымогатель паршивый! Телок беспардонный! А ну, марш на работу и чтоб духу твоего здесь не было!

Митяй вовремя шмыгнул за дверь, и Яга поставила хват на место.

— Совсем заболтал старую... А что, Никитушка, мы-то с тобой чем займемся?

— Рутиной,— вздохнул я, выглядывая в окно.— Вон Еремеев пожаловал, надо доклад принять. Сделайте нам чайку, пожалуйста.

Старший стрелец, Фома Еремеев, был немного моложе меня, но для солидности холил короткую бороду, а в начальники выбился благодаря личной храбрости и уму. Парнишка был поповского рода, но не пошел по родительским стопам, а сделал ставку на армейскую карьеру. По службе мы сдружились, и я всегда угощал его чаем.

— Что нового в городе?

— Жизнь течет, — философски ответил стрелец.

— А не было ли за последнее время каких-то подозрительных лиц?

— Народу много шастает, на то мы и столица. Тока если ребята начнут всех подозрительных хватать — у нас тюрем не достанет.

— Логично... — признал я.

— Али случилось чего? — Фома отодвинул чашку.

— И да и нет... Купцы пожаловались, будто у них черная ткань пропала, вот я и спросил. Так, на всякий случай...

— Да уж... ежели бы конь пропал, золото какое, а то тряпки. Обыскивать всех, что ли?

— Нет, конечно. Просто, если где всплывет рупон-другой, дай мне знать. Договорились?

— По рукам, участковый!

Вот с такими людьми и работать приятно. Однако на самом деле больше заняться было абсолютно нечем. При отсутствии какой-либо информации строить версии на пустом месте просто глупо. Похоже, Ягу съедала та же скука, мы на пару ууселись за стол, и только тогда бабка дала выход своим сомнениям:

— Думала я, думала и вот что тебе, сокол ясный, скажу: ничего я не поняла! Зачем вору надо было ткань красть? Добро бы одну штуку, а то ведь все подчистую со склада умели. Чего с ней делать? Продать? А кому столько тряпок да кожи надо? Да ведь еще все сплошь черное...

— Это меня и смущает,— признался я. Абсолютная бессмысленность кражи.— Черный цвет у вас не в моде. Вот гробовщик захотел купить, так заказывать пришлось, в лавках не было. Почему вор не взял цветные ткани? Там, наверно, были и ярче, и дороже. Какой смысл в похищении именно черных?

— Вот и я о том же... И знаешь, беспокоит меня это, Никитушка. Прав ты был, надо завтра же на склад армянский идти, там ответ искать. Не нравится мне это дело. Помяни мое слово, добром оно не кончится.

— Ладно... На первый взгляд — ничего особенного, не будем нагнетать обстановку. Однако Митька задерживается... В Лукошкине не больше тридцати мануфактурных лавок, супермаркетов и универсамов в помине нет, где ж его черти носят?

Как бы в ответ на мой вопрос в ворота забарабанили. Яга пошла разбираться, а я бессмысленно мерил комнату шагами — черный цвет никак не хотел меня отпускать. Казалось, что я упустил что-то безумно важное, и, если бы только понять, почему именно черный, все стало бы легко и просто.

— Никитушка, тут к тебе...

В горницу вошли четверо купцов, судя по костюмам и лицам — все выходцы из Средней Азии. Самое трогательное, что трое держали в горизонтальном положении свернутый персидский ковер, с одной стороны которого почему-то торчали лапти сорок пятого размера.

— Да хранит Аллах тебя и твое управление, уважаемый участковый,— вежливо поклонились все, но говорил один, маленький, худой, в полосатом жилете и тубетейке.— Мы люди не местные, приезжие, всех законов не знаем, но уважать очень стараемся. Вот шпиона поймали — тебе принесли. Благодарить не надо, подарков не надо — мы милицию очень любим.

Трое азиатов раскатали ковер, из которого вывалился... Митька! Собственно, кого еще я ждал?

— Шпион?

— Совсем шпион, гражданин начальник. Вокруг моего каравана целый час ходил, тюки смотрел. Я за ним Абдуллу послал, Абдулла говорит — шпион везде ходит, все смотрит, по-человечески не понимает, на бумажку пишет. Сам посмотри!

Я взял измятый лист, обильно исчерканный Митькиными каракулями, чертыхнулся про себя, а купец воодушевленно продолжил:

— Как одет! Разве честный гражданин так ходит? Шпион и есть! Мы его вежливо, как человека, спрашиваем: ты шпион? Молчит. А борода фальшивая! Вот, тебе принесли, начальник. Всего его забирай, нам даром не надо...

— Большое спасибо! — решил я, вставая из-за стола и пожимая всем четверым руки.

Улыбаясь и лопоча, купцы удалились. Настало время разборок...

— Бабуля, там у нас стрельцы не проходили? Надо сдать задержанного в тюрьму.

— Чего? — не понял Митька, сидящий на полу и завывающий лапоть.

— Как скажешь, Никитушка,— подмигнула мне Яга.— Ах ты ж напасти какие... Шпионы расползлись, как тараканы поганые! Всенепременно надо в тюрьму, там ужо с него спросят...

— Да вы что?! Баба-яга! Никита Иванович! Вы что ж, не признали? Это ж я — Митька!

— Кто? — сощурился я.— Вы, гражданин, здесь горбатого не лепите, у нас с военными разведчиками разговор короткий — за уши и к стенке!

— А еще честным именем сотрудника милиции прикрывается,— возмущенно поддержала Яга,— Митька, говорит, я! Да ты нашего Митеньку в глаза-то видел? Он парень молодой, ни усов, ни бороды не носит, ликом светел и одет по-русски. А теперь на себя посмотри, не христь басурманская!

Бедолага встал и торопливо ощупал себя со всех сторон. Потом до него дошло... Он сорвал с головы пестрый тюрбан, почему-то украшенный турьими рогами, сбросил с плеч большой мешок из-под муки с прорезями для рук и головы, снял непонятный платок, обернувший его бедра, как клетчатая шотландская юбка, стер подолом рубахи слой дегтя с лица и окончательно отлепил полуоторванную бороду из лисьего меха.

— Вот он я!

Под нашими тяжелыми взглядами Митька неуверенно потоптался и пустился в торопливые объяснения, не дожидаясь законных вопросов:

— А че я? Че сразу я? Вы ж сами сказали — «не привлекай внимания». Так мою рожу каждая собака в Лукошкине знает. Козе понятно, что, раз человек из милиции интересуется, значит, дело уголовное. Рази ж тут кто правду скажет? Ну вот, переоделся. Сам от купцов заезжих слышал, будто страны есть, где люди черны, аки бесы! Ну, я и... дегтем лицо и руки... слегка того... Костюмец подобрал, опять же, чтоб не узнали. Да ежели б энти узкоглазые меня палкой по затылку не шарахнули, я б их сам всех в один ковер запихал и узлом завязал на память!

— Митька,— еле выдохнул я, почти умирая от хохота,— а рога бычьего какого лешего к тюрбану присобачил? Негры, они, конечно, черные, как бесы, но безрогие, честное слово...

— Правда? — искренне огорчился он.— А я уж думал еще и хвост сзади привесить... Не рискнул, мальчишки б засмеяли.

— Ладно,— отдышались мы с Ягой.— Судя по всему, внимания к операции ты не привлек. Теперь покажи, Христа ради, чего ты тут накалякал?

— Где? Дык... писал я тут. Не видно разве? Даже обидно как-то... Вот ведь нормальными буквами, разборчиво: «ничавонетутиисшоулафкахтоженету».

— Бабуля, это кто ж его, молодца, так грамоте обучил?

— Знамо кто — Филимон, дьяк думского приказа. После дела царского они, почитай, неделю безвылазно в его домишке сидели. Ты ж сам приказал, чтоб он премудрость эту книжную, как там... форсировал! Вот он и подошел со всем старанием...

— Ясенько... Ну что ж, шпион африканский из дружественной Нигерии, марш в баню! Как отмоешься, иди спать, устный доклад отложим на завтра.

К себе наверх я поднимался с тяжелым сердцем. Можно ругать Митьку за все грехи, но одно ясно без проверок: если он ничего не нашел, то в городских лавках черного материала нет! Толкнув дверь, я шагнул в свою комнату, и... кто-то сзади набросил мне что-то на голову и стал душить. Нападающий явно превосходил меня силой и весом, так что перебросить его через себя мне не удалось. Уже тускнеющим сознанием я сообразил прекратить бессмысленную борьбу с зажавшими мое горло лапами и, опустив левую руку, резко ударил противника в пах. Я попал туда, куда надо... Нападавший охнул и ослабил захват. Я вывернулся, кое-как сорвал с головы кусок мокрого шелка и, едва не падая, повис на двери. В слабом лунном свете была видна массивная мужская фигура, скрючившаяся в углу. Внезапно человек поднялся, блеснула узкая полоска стали, но он напрасно решил, что все будет так просто. Оттолкнувшись левой ногой от порога, я повис на руках, и, используя силу движения двери, ударил врага пяткой в грудь. Мужчину снесло к окну, через которое он и вылетел с торжественным звоном!

— Никитушка! Что с тобой, касатик?! — Ко мне бежала перепуганная бабка с ухватом наперевес.

— Все... нормально... — Слова давались с трудом, видимо, негодяй все-таки сильно пережал мне горло.

Яга все поняла без слов, быстро осмотрела спальню, ткнула ухватом под кровать и высунулась в окно.

— Убег...— с сожалением доложила она.— Что ж это такое деется? Из-за каких-то тряпок на самого участкового злоумышленничать надумали... Не дело это. С утра потребую, чтоб наряд стрелецкий цельные сутки, в две смены, терем наш от злодеев охранял!

— Терем им не нужен. Им нужен я... почему?

— Нет уж, милоч! — строго заявила Яга.— В прошлый раз, чтоб до тебя добраться, шамаханы дом мой жгли, красного петуха пускали. А в этот раз чего удумают? Ну как порохом взорвут?!

— Уф... прямо какие-то арабские террористы... Что это?

— Где?

— Да вот.— Я поднял с пола кусок черной материи.— Шелк. Он набросил мне это на голову. Между прочим, цвет тот самый, как в ориентировках по поиску похищенного товара.

— Ну и что с того?

— Не знаю. Пока не знаю. А Митька где?

— В бане, где ему быть,— пожалала плечами разгоряченная старушка.— Дак... и вправду, чей-то долго его нет... Не случилось чего?

Мы поспешили вниз. Баня находилась во дворе, рядом с порубом. Судя по луже воды и следам сапог, здесь тоже не обошлось без покушения. Боже ты мой, если они ему хоть что-то сделали! Я рванул дверь баньки. Показалось густейшее облако пара, и грозный Митькин голос визгливо проорал:

— Не подходи! Живым не дамся!

В то же мгновение на нас с Ягой выплеснулся целый жбан кипятка! Как мы умудрились отпрыгнуть в стороны — ума не приложу. Мне, человеку молодому и тренированному, это далось с трудом, что уж говорить о бабкином прыжке с кувырком-переворотом...

— Митька, дубина! Не дури! Это я, слышишь.

— Ба... воевода-батюшка? — недоверчиво спросил он, и из облака пара вышел красный, как вареный рак, наш

вымытый сослуживец. Он прикрывался деревянной бадьей и выглядел несколько напуганным.

— Что случилось?

— Так и я о том же спросить хотел. Случилось чего?

— Давай первый рассказывай.

— Че ж тут скажешь? Моюсь, согласно вашим начальственным указаниям. Вроде кто-то в дверь — шасть! Я смотрю — мужик, весь в черном, глаза злые, а в руке ножик. Так, думаю, не колбасу он сюда резать пришел. А зачем? Ну, спрашивать не стал, просто дал ему, вон, шайкой по зубам — он за двери и выпал. Я — к котлу с кипятком, полную бадью зачерпнул, жду... тут дверь опять открывается. Ну и все... я как... а это вы... Предупреждать же надо!

— Вот мы и бежали, чтоб тебя, дурака предупредить, — заворчала Баба-яга, она уже дважды поднималась из горячей лужи и дважды поскользнулась вновь. На третьей попытке она плюхнулась и разразилась полновесной бранью, так и сидя в грязи: — Что ж ты, охальник, на пожилых людей кипятком-то плещешь? Мало тебя не пырнули, мало Никиту Иваныча не придушили — так то хоть враги! А на меня что ж, свои же сотрудники покушения устраивают?!

Мы кинулись спасать рассерженную старушку. Митька, отбросив шайку, шагнул шире, чем я, и легко поднял Бабу-ягу. Но, узрев перед собой голого мужчину, моя домохозяйка аж побурела и возопила как резаная:

— Пусти, бесстыдник!!! Хоть бы срам ладошками прикрыл!.. Да я из тебя!..

Договорить бабке не удалось, Митька послушно разжал руки, и Яга вновь грохнулась в лужу! Грязь так и брызнула взрывом во все стороны. Теперь уже мы все трое были «чистыми», как чушки.

— Ирод... — тихо и со значением произнесла бабка.

Я деликатно поставил ее на ноги. Митяй не нашел ничего умнее, как поклониться нам до земли и, сверкая голыми ягодицами, упрыгать назад в баньку.

— Иди и ты с ним, касатик. Чистое белье я принесу. С тер... — как это — террористами твоими завтра разберемся, есть у меня одна задумка. Утро вечера мудренее...

До завтрака Яга хранила таинственное молчание. После чая она села напротив меня и сама начала серьезный разговор:

— Вот что, Никита Иванович, ты у нас начальник, тебе и решать. А только я, старая, одно предложение имею. Хочу на операцию пойти.

— Что-нибудь серьезное? — встревожился я.— В вашем возрасте ложиться на стол к хирургу — дело рискованное. Кто оперировать-то будет?

— Оперировать? — не сразу уловила бабка. — Ну я ж говорю: ты начальник, ты и оперируй!

— Я?!

Похоже, мы действительно не понимали друг друга. Выдержав долгую паузу и сложив в уме два и два, я понял... Поэтому постарался сделать серьезное лицо:

— Итак, каков же план вашей операции?

— Хочу я тех варнаков найти, что на вас с Митькой вчера злоумышленничали.

— Мысль дельная. А как? Кота по следу пустим?

— Нет. Вот смотри, я стеклушки под окном подобрала. Видишь, вот на этом и этом кровь запеклась. Видать, порезался, вражина... А вот и зуб коренной! У самой баньки в грязи валялся. Напарник-то твой хвастал, будто бадейкой злодею по мордам угодил? Так и есть, вот она, улика-то, зуб выбитый. По ним и найдем.

— Мм... весьма проблематично... В Лукошкине народу завались, если стрельцы начнут хватать всех беззубых или с порезом на пальце, то у нас поруба не хватит. Да и как идентифицировать группу крови на стекле с группой крови подозреваемого? Здесь нужна профессиональная медицинская экспертиза.

— Запутал ты меня... — поморщилась Яга. — Замудрил совсем словами своими учеными. Об эк...пертизе (про-

сти ее, Господи) вашей я отродясь не слыхивала, а вот на крови человеческой завсегда поворожить можно. Прикрой-ка дверь да Митьке скажи, чтоб не пускал никого, — я колдовать буду.

На самом деле в этом нет ничего особенно интересного, Яга колдует по старинке. Технических приспособлений — минимум, химикатов никаких, но разных ингредиентов, типа сушеных ящериц, лягушачьей икры, куриного помета и прочей дурно пахнущей прелести, — в избытке. Все по баночкам, по горшочкам, по коробочкам, на специальных полочках, чтоб с кулинарными специями не перепутать. А то еще всыплешь ненароком в суп вместо перца толченые мышинные мозги...

— Кровь, кровь! Руда, руда! На три стороны свет, на четвертую ночь. Из сырой земли точит, точит вода — одолеть ее никому невмочь. Как на крестный ход не звонит звонарь, не разбить ветрам камень Алатырь... Во степи гора, а на ней алтарь, как на алтаре том лежит Псалтирь. От ее страниц свет по времени, а сама от старости зелена... О хозяине, роду-племени, говори, руда, то, что велено!

За точность текста я ручаюсь, а вот что конкретно и в каком количестве Баба-яга сыпала в это время в глиняную миску, чем заливала, сколько раз плюнула... уже не запомнил. Главное, что после стиха она сунула в это месиво осколок стекла с размазанной капелькой крови, и над мисочкой заиграло розоватое сияние.

— Отвечай мне, кровь человеческая, — чьего ты роду-племени.

— Охранники мы, — тонким голоском пискнула склянка. — Служим у немецкого посла с самого своего рождения, поэтому роду-племени не ведаем.

— А кто твой хозяин, как имя его?

— Посла немецкого? — уточнила кровь.

— Ты мне из себя дуру-то не строй! — прикрикнула Яга. — На фига мне твой посол сдался?! Ты прямо говори — из чьего тела будешь?

— Так и говорю прямо — охранник Ганс Гогенцоллерн.

— Кто?! — обомлел я, не в силах сдержать удивления.— Это не тот Гогенцоллерн, что является высококняжеским родом Германии? Автомобильный магнат, подмявший под себя половину промышленности, блестящий аристократ еще со времен саги о Нибелунгах и постоянный претендент на императорский престол?..

— Нет,— хорошенько подумав, решила кровь,— я бы знала. Видимо, однофамилец.

— А зачем же твой хозяин нашего участкового душить удумал?

— Понятия не имею. Я за него не в ответе. Еще вопросы будут?

— Еще че спросить? — просемафорила Яга.

— Какой она группы? — брякнул я первое, что пришло в голову.

В криминалистике очень важно знать правильный состав крови подозреваемого...

— Какой ты группы? — певуче повторила бабка.

— Да вы че?..— ошарашенно пропищала капля.— Ну и вопросыки, однако... Я что ж, по-вашему, сама себе медицинский анализ делала?!

— Тогда... претензий не имеем,— переглянулись мы.

— Честь имею откланяться.— Розовое сияние исчезло.

— Записать-то успел?

— Естественно...— Я на минуту оторвался от планшетки: — Зуб тоже будем допрашивать?

— А то...

Баба-яга взяла другую миску и повторила ту же процедуру, на этот раз заменяя слова «кровь» и «руда» на «кость» и «зуб». При минимальных исправлениях ритмика стиха не изменилась, и определенная напевность была сохранена. Как видите, я тоже стал немного разбираться в колдовстве... С выбитым зубом провели схожую

беседу, он отвечал так же охотно, хотя почему-то шепелявил:

— Хожайн мой охранником шлужил у пошла немецкого, а шовут его Шора Жуков.

— Жора Жуков? — Я опять не поверил своим ушам. — Бабуль, а он не издевается над нами?!

— Не посмеет... — отмахнулась Яга. — А что такого, имя как имя...

— Да как сказать... Слушай, а у вашего посла что, вся охрана состоит из таких знаменитостей?

— Не жнаю... Мажепу помню, Бурбонов двое, Романов ешть, Ротшильд, ну и Ху Ши Мин вроде — вам-то жачем?

— А вот это не твоево ума дело! — обрезала бабка. — Тут мы вопросы задаем. Пиши, Никитушка, все фамилии ихние пиши, потом разберемься.

— Э-э... мужик! — заволновался зуб. — Ты там не укаживай... А то шкажут, будто я опять вшех жаложил...

— Так, значит, были прецеденты? — сощурился я.

— Ничего не жнаю! Я жа хожайна не ответчик...

Когда с допросом было покончено, мы попытались суммировать полученные сведения.

— Итак, удалось выяснить, что двое охранников из штата германского посла (а именно Ганс Гогенцоллерн и Георгий Жуков) совершили акт разбойного нападения на сотрудников уголовного отдела центрального отделения милиции города Лукошкино. Вопросы... Зачем они это сделали? Знал ли об их действиях посол и какова его роль в этом деле? Можно ли из-за куска черного шелка, брошенного преступником, вывести версию о наличии некой связи данного покушения с делом о краже черной ткани?

— Че тут думать-то? Действовать надо! — решительно хлопнула кулачком по столу Баба-яга. — Берем стрельцов и айда в немецком посольстве шерудить. Пусть узнает немчура проклятая, как на нашу милицию рот разевать!

— Не выйдет...— призадумался я.— Посол — лицо неприкосновенное, и двор посольский обладает дипломатической неприкосновенностью. Без ордера на территорию суверенного государства вторгаться не будем, отсюда и до международного конфликта недалеко... Митьку с записочкой к царю отправлю, пусть там оформят все документы, мы после обеда заедем, заберем. А уж вечером, во всеоружии, вежливо заглянем к нашим немецким друзьям.

— Уж больно мудрено,— поморщилась Яга, вставая из-за стола и натягивая душегрейку. — По мне — так пошли бы прямым путем и спросили без всяких там... Ну да ладно, ты молодой, тебе видней. Сейчас-то куда идем?

— Все по плану.— Я тоже встал, накинул китель и взялся за фуражку.— А по плану у нас визит на мануфактурный склад гражданина Кирикосьянца А. Д. Ну так что, пошли?

Митька с запиской дунул к Гороху. Его при царском тереме все знали и на аудиенции к царю в прихожих не томили. Я встретил у ворот стрелецкого старшину Еремеева, рассказал о ночном происшествии, наказав поставить у терема охрану и прислать трех стрельцов за нами на армянское подворье. Мы с Ягой неторопливо отправились пешком. В Лукошкине нас узнавали и приветствовали снятием шапок, для простого люда мой мундир был вполне начальственным, хотя и не таким богатым, как, например, у тех же стрельцов.

— Никитушка, а что мы, собственно, у Арона искать-то будем? Ежели недостачу, так он ее, поди, в книгах учетных надежно схоронил. Ежели ткань черную, недосмотренную, так ему всех приказчиков в шею гнать надо. Ежели еще какую преступную деятельность, то... чего нам, делать нечего?

— Мы идем знакомиться,— подумав, решил я.— Это официальная версия. На самом деле меня напрягает не

сам факт кражи, а непонятная система исчезновения товара. Вы понимаете, они ведь не первый день замужем, знают, как торговать, как лавку запирать, как собак с цепи спускать и сторожа на ночь ставить. Причем у армян талант к торговле просто врожденный. Я не понимаю, как у них могли украсть!

— Ежели жулики наши, местные, то и у армян украдут! — убежденно парировала Яга. — Русский человек во всем, что удали касасемо, верх возьмет. Ты б лучше подумал, с чего это на тебя убивца подослали?

— Вопрос, конечно, интересный... А самое главное, ответить на него нечем. Мы же еще ничего не узнали, не разведали, не выяснили... и нате вам!

— Никитушка, а может, тебя того... ну, захотели на тот свет отправить только потому, что ты, голубь сизокрылый, вообще за это дело взялся?

Этим она меня срезала. Милиционеров убивают... иногда. Как и полицейских или любых других представителей внутренней власти. К такому печальному финалу нас загодя подготавливало начальство, да и мы сами отлично знали, на что шли. Однако покушаться на участкового еще до того, как он хоть что-то узнал, — это уже беспредел! Дайте бедному милиционеру хотя бы понять, за что именно!

Армянское подворье почти ничем не отличалось от большинства стоящих в Лукошкине зданий, разве что ворота украшала какая-то национальная резьба. Нас встретили вежливо, сразу позвали хозяина, пригласили в дом. Арон Давидович буквально лучился от счастья, называя нас самыми дорогими и самыми любимыми гостями! На мой взгляд — перебор в эмоциях налицо. Как правило, это верный признак нечистой совести...

— А тэперь — за стол! Вэсь дом ужэ сидит, вэсь вино налили, вас ждуд. Идем, дорогиэ!

— Нет. Мы к вам строго по делу...

Пока мы препирались с хозяином, бабка быстро

шмыгнула в горницу, вернулась и шепотом доложила на ухо:

— Никитушка, там и впрямь вся дворня сидит, стол от закусок ломится, вина полны кувшины. Если на минутку сядем, аккурат к концу недели и уйдем...

— Гражданин Кирокосьянец, проводите, пожалуйста, нас на склад.

— Какой склад? Какая служба? Слушай, такиэ гости...

— На склад, где пропала черная ткань, проводите.

— Ой, куда спэшить? Что он, убэжит, да?! У мэня эсть такоэ вино...

— На склад нас проводи, чурка бестолковая! — отодвинув меня, грозно рявкнула Баба-яга. — А сам марш за свой стол и пей там, пока не окосеешь! Никитушка, вклепай ему пятнадцать суток за противодействие работникам милиции.

Гостеприимный армянин мгновенно развернулся и, как сомнамбула, отправился во двор. Мы — за ним. Открыв два висячих замка на большом сарае, он вновь развернулся и, так же не говоря ни слова, ушел в дом.

— Это, как я понимаю, склад?

— Он и есть.

Все помещение было доверху набито товаром: ткани, шерсть, тюки с ватой, отдельно — связки кож и меха. Пока Яга находилась внутри, я внимательнейшим образом осмотрел помещение снаружи — никаких следов подкопа, взлома, тайного лаза — ничего. Как я понял, и у Яги негусто.

— Вот тут она лежала, ниточки черные к стене прилипли. А насчет способа, так я тебе так скажу, не крали ее, а сколданули!

— Как это? — не поверил я.

— А просто сидел кто ни эсть у себя дома, книгу волшебную взял, заклинание прочел, и весь товар из лавок у его носа в сей же час и очутился. Сколданул он его, значит. Так что улик нет.

• Летучий корабль •

...Петушиный крик раздался как-то осторожно и приглушенно. Я уже полчаса сидел у подоконника в трусах и майке, держа под рукой два вязаных тапочка на манер австралийских бумерангов. И он, гад, знал, что я сижу в засаде... Поэтому на тын взлететь опасался, а из-за тына кукареканье не получалось таким уж душевно-забористым. Наконец он вытянул шею — ненавистная башка со свисающим набок гребешком показалась в поле моего зрения.

— Ку-ка-а-уп! — Тапок просвистел в миллиметре от распахнутого клюва.

Пернатый злодей вновь нырнул в укрытие, явно готовя повторную диверсию. Выбора нет — или я его выдрессирую, или он меня своими побудками доведет до членовредительства. За забором раздалось неуверенное кудахтанье и какая-то возня. Я выпрямился в полный рост, размахнулся от плеча и... Когда из-за тына поднялся доверчиво улыбающийся Митька с петухом в руках — метко брошенный тапок угодил ему прямо в лоб! Наглый петух мгновенно вырвался на свободу и, вспорхнув на забор, обложил своим кукареканьем нас обоих как хотел...

Утро началось несладко...

— Никитушка, ты, что ли, встал уже, сокол ясный?

Это Яга, моя домохозяйка, одновременно и кухарка, и прачка, и уборщица, и штатный специалист, — эксперт по части криминалистики. Бабуля — бесценна, она ста-

рейший и уважаемый сотрудник нашего отделения, мы на нее Богу молимся. Снизу из-за забора вновь высунулся Митька, приветственно помахивая мне двумя подобранными тапками. Дмитрий Лобов, двухаршинный улыбочивый паренек, приставленный к отделению из соображений воспитательного плана. У себя в Подберезовке он оказался абсолютно неприспособлен к размеренному крестьянскому труду по причине немереной силы, недалекого ума и неиссякаемого творческого энтузиазма. Лично я его раз десять увольнял... Яга заступалась, лоботряса брали обратно с очередным испытательным сроком, в конце концов он у нас так и прижился. Ну а я, младший лейтенант московской милиции Никита Ивашов, как вы понимаете, осуществляю в родном Лукошкине функции начальника отделения. Почему родном? Знаете, я здесь уже полгода и первое время только и думал, как вернуться обратно в свой мир. Не то чтобы здесь так уж плохо... Милицейская служба востребована во все времена, даже при царе Горохе, тем более что царь у нас деятельный и работать при нем интересно. Но домой все же тянуло страшно. Потом одно дело, второе, третье, кражи мелкие, профилактические операции, общественно-разъяснительная деятельность, как-то отвлекся... А уж когда ухнуло памятное дело о перстне с хризопразом — тогда и стало ясно, где моя настоящая родина. Не в далекой, затерянной в будущем коммерческой Москве конца двадцатого столетия, а в небольшом городке Лукошкино, в древней полусказочной Руси, где простому народу без защиты родной милиции ну никак...

— Доброе утро, бабушка! — К завтраку я обычно спускался вниз в горницу при полном параде, только что без фуражки и кителя. В праздничных кафтанах того времени я и чувствовал себя неуютно и выглядел как Иван — кулацкий сын.

— Доброе утро, Никитушка, — приветливо улыбнулась Яга. Выпирающие желтые клыки делали ее оскал

особенно запоминающимся.— А я уж сама наверх идти хотела, тебя будить. Давай-ка к столу, пока кашка гречневая на молоке да меде остыть не успела.

— Уже сел, а вы что ж?

— Да я-то старуха, я запахами из печи сыта бываю... А ты садись — кушай, моего слова слушай. Буду говорить речи важные, наказанные, небумажные. Только ты ешь-наедайся, а моего совета не чурайся...

— Бабуля, да вы ж тут прямо стихами и чешете! — искренне удивился я.— У нас что, сегодня утренник народного фольклора?

— Не сбивай, Никита! О серьезном деле с тобой говорю, потому и слова такие. Не всякому зверю берлога — кому и нора, не всякой птице болото — кому и гора. Так и не всякому молодцу — холостяцтво к лицу.

— Ум... н... укс! — Я едва не поперхнулся горячей кашей.— Бабуля, предупреждать же надо!

— А поделом тебе, ешь да не оговаривайся! — невозмутимо продолжала Яга, уставясь на меня самым строгим взглядом.— Сказано ведь, ровно голубю — без голубицы, добру коню — без кобылицы, так и храброму молодцу без души-девицы не житье — срам один!

— Между прочим, в законодательстве некоторых стран подобные провокационные разговоры могут классифицироваться как давление на сотрудника правоохранительных органов.

— Никитушка, милый, да не давяю я на тебя, не давяю! А только люди говорят всякое... Дескать, что-то, видать, не так у нашего участкового — в церковь не ходит, на красных девок не заглядывается, с дружками не бражничает, по праздникам забавами молодецкими не тешится.

— Знаю я их забавы — кулачные бои стенка на стенку да за сапогами на столб лазить! Бабуль, ну вы представляете, чтоб работник милиции ради забавы молодецкой по воскресеньям народу носы квасил?! И в церковь я хожу! Два раза ходил уже... Беседовал с отцом Кондра-

том по поводу пьянок в его церковном хоре. А насчет бражничанья... так нас Горох на той неделе, помните, как накачал? Я ж верхом на Митьке до отделения добирался, благо, он как поддаст — милицейскую сирену очень уж старательно изображает. Чем я им еще не угодил?

— Про девок красных забыл...

— Это сестры Малаховы с соседней улицы? Эти — красные, слов нет! Каждый вечер фланируют строем под окнами отделения, семечки плюют на метр против ветра, а у самих лица такие кра-а-асные...

— Так то румянец девичий, от смущения, — доходчиво пояснила Яга, но я был непреклонен:

— Бабуля, давайте прекратим прения и дружно перейдем к чаю. Вопросом повального поиска Василис Прекрасных торжественно обещаю заняться после Нового года!

— Дак ить осень на носу, самое бы время свадебку... — тихо повздыхала моя домохозяйка, но взялась за самовар. К концу третьей чашки в дверь деликатно бухнули пудовым кулаком.

— Батюшка сыскной воевода, гонцы к вам царевы с делом быстрым! — деловым тоном профессионального секретаря проорал из сеней верный Митька.

— Зови. — Важно кивнув Бабе-яге, я встал с лавки поприветствовать двух стрельцов и молоденького дьяка из думского приказа. Парнишке едва ли исполнилось восемнадцать, но он изо всех сил старался выглядеть солиднее.

— Поклон тебе, сыскной воевода!

— И вам здрастье. Что там у государя за проблемы?

— Дело у царя к тебе спешное да неотложное...

— Ага, у нас все дела спешные... — Идти куда-либо сразу после плотного завтрака представлялось сущим самоистязанием. — Государь небось опять очередной милашке золотые серьги подарил, а какой — не помнит, просит отыскать, да?

Стрельцы ухмыльнулись в усы, а юный дьяк так по-

краснел, что я, сжалившись, выдвинул более пристойную версию:

— Любимого коня цыгане свистнули? Бояре в думе из-за бюджета передрались? Ключница пропала, к подвалам не подойдешь, а у государя меда сорокаградусного для излечения не хватило? Тоже нет?! Господи, да что же там у вас?.. Неужели дьяк Филимон свои мемуары за границей большим тиражом выпустил, гад?!

— Не... не это... — сбивчиво залепетал несчастный. — Царь-батюшка наш прибыть во дворец просит немедленно. Дело у него тайное, военное... И спешное-э-э...

— А милиция-то здесь при чем?

— Никитушка, — тихо вмешалась Яга, — уж ты не мучай мальчонку, сделай милость — сходи. Ты ж Гороха знаешь: сей же час не придешь — он посыльных под кнут отправит. В отделении на утро вроде и дел-то нет, а ежели что, я уж тут присмотрю. Сходи, уважь старуху, не пожалей сапог. А хошь, я Митьке крикну, чтоб кобылу запрягал?

Я пожал плечами: в конце концов, почему бы и нет? К царю идти в любом случае придется. После разгрома Черной Мессы Горох оценил мои дипломатические способности и теперь частенько советовался по разным вопросам государственной политики. Не знаю уж, чего у него там «спешного-военного», но прокатиться в телеге по ветерку в принципе не так уж проблемно.

— Ладно, ребята. Возвращайтесь к начальству с чувством выполненного долга. Я буду следом, минут через пятнадцать. Оркестр к подъезду можете не подавать.

Кто бы знал, к каким серьезным последствиям приведет меня это дело... А начиналось все, как видите, буднично...

Конец августа. Еще очень тепло, и воздух напоен ароматами Яблочного Спаса. Крестьяне свозят в столицу урожай, уродились богатые хлеба, жизнь кажется щедрой и сытой, а думать о росте преступности нет ни малейшего желания. Хотя и надо бы... По некоторым сведе-

ниям, в Лукошкине сейчас участились случаи мошенничества и тайного грабежа. Ходят слухи о карточных притонах, и неоднократно в отделение захаживали смущенные мужики с просьбой вернуть пропавшие деньги. Пили, дескать, грешным делом, да не вспомнят, где и с кем. В себя приходили на каком-нибудь пустыре, в бурьяне, естественно, без гроша. А некоторые так вообще в одних подштанниках... Ругаешь их, дураков, но и воров тоже ловить надо. Не нравится мне эта мафия шоу-бизнеса местного разлива, пора браться за них всерьез...

Митька, сидя на передке, что-то бубнил себе под нос. То ли ругался, то ли азбуку по-филимоновски повторял, что, впрочем, почти одно и то же... Сам был с утра необыкновенно задумчив и молчалив, наверняка разрабатывал в голове план очередной облавы на тетку Матрону. У каждого из нас есть свой пунктик. У Митьки это вечная борьба за качество и количество кислой капусты. Он ее ведрами может есть, без перерыва, с таким номером впору в цирке выступать, куда слабонервных не пускают. А насчет частушечных намеков Бабы-яги... я же всерьез и не спору. Жениться человеку, разумеется, надо, и у меня даже были определенные подвиги по этому поводу. Ну, приглянулась слегка одна фройляйн с немецкого подворья. Я там поинтересовался деликатно у посла — фигу, девица еще в пятилетнем возрасте помолвлена с сыном кайзеровского портного. Что-либо менять поздно, у них, у католиков, с этим делом строго, да и сама девушка, оказывается, по-русски — ни бельмеса. Почти как я в немецком... Вот такие дела. Ладно, женитьба — не волк, поймаешь — не укусит. В Лукошкине тоже красавицы одна к одной. Ну, хоть вон вроде той смуглой девчоночки у кожевенной лавки. Я невольно повернул голову и засмотрелся... Девушка действительно выгодно отличалась от статных городских барышень. Явно деревенская, и по костюму видно, и держится не очень уверенно. Коса черная как смоль, а кожа загоре-

лая, словно после солярия. Глаза большущие, то ли карие, то ли темно-синие, отсюда не видать. Роста выше среднего и сложена так, что даже под мешковатым сарафаном фигурка чувствуется... Словно бы заметив мой взгляд, девушка обернулась, зыркнула на меня своими выразительными глазницами и скрылась в лавке. Ну вот... сами видите, невест полно, не пропаду я здесь, не переживайте.

На аудиенцию к Гороху я пошел один. Митька рвался вслед, ему тоже любопытно, но пришлось остаться при телеге внизу. Дьяк Филимон словно ждал меня в засаде, набросившись с приветствием еще с первого этажа:

— А и доброго здоровьичка, Никита Иванович! И вам, и бабуленьке Яге, и Митеньке вашему, и всей честной милиции! Давненько к нам не захаживали... Я и беспокоиться начал, уж не заболел ли, часом, наш сыскной воевода? Даже свечку хотел в храме поставить...

— За упокой?

— Во здравие! Зачем же так страшно шутишь, участковый...— широко разулыбался скандальный дьяк. Когда у него во все лицо такая похабная ухмылочка — жди беды! Не мое наблюдение — народная примета.— А я вот грамотку подготовил тебе, уж рассмотри по прибытии.

— Очередной донос? — В последнее время дьяк все-рьез вообразил себя единственным борцом за справедливость и закладывал всех подряд.

— Донос и есть! А как же без доносу? Ты ведь, участковый, не взыщи, но не семи пядей во лбу! Глаз на затылке не имеешь, руки всего две, штат махонький и без еремеевской сотни вообще — тьфу! — не стоишь ничего. Где ж тебе за всеми злоумышленниками уследить?! Вот на то мы и предназначены — бдить да докладывать! Ты рожу-то не криви, загляни в грамотку, там много чего интересного понаписано...

— Побьют ведь вас как-нибудь, Филимон Митрофанович...

— А и побьют, дак за правду и живота не жалко! — па-

тетично объявил дьяк, ожидая похвалы, но мы уже пришли. Стрелецкий караул пропустил меня в царские палаты, а гражданину Груздеву дали от ворот поворот. Доброхотный фискал-энтузиаст попытался что-то напутственно добавить вслед, но не решился. Сволочной человечешка, цены б ему не было в тридцать седьмом...

Горох ждал меня в маленькой комнатке за тронным залом. Обычно этот кабинет предназначался для его переменных пассий, но сейчас на низеньком узорчатом столике лежали... чертежи! Ей-богу, настоящие, добротные чертежи, не слишком соответствующие ГОСТу, но тем не менее вполне рабочие.

— Заходи, Никита Иванович. Рад видеть тебя живым-здоровым.

— И вам мое почтение, надежа-государь. Чем это вы тут развлекаетесь? Решили со скуки научно-техническую революцию устроить?

— Вот я те устрою! — шутливо буркнул Горох и ткнул пальцами в пересечение черных линий. — Ты ведь, участковый, у нас мужик образованный, вот глянь своим оперативным оком — дельная вещь али нет?

Я с некоторым снисхождением пустился перебирать желтоватые листы бумаги и... ахнул! Это были чертежи летательного аппарата! Наверное, удивление было так ясно написано на моем лице, что царь довольно расхохотался:

— Что, укузьмили сиза селезня за мягкое гузнышко?! Ты уж, Никита Иванович, совсем нас за людей темных держишь. Ан вон какую штуковину мои мастера впятером удумали — летучий корабль! Чтоб, значит, по поднебесью аки птаха божия парить! Смотри сюда, вот корпус ладейный, вот крылья, парус опять же, оперение хвостовое, чтоб рулить сподручней было...

— Ни за что не полетит,— справившись с собой, авторитетно заявил я.

— Да почему же не полетит?

— По законам гравитации. Тут мотор мощный нужен,

дизельное топливо, специальные приборы, совершенно другая конструкция и еще...

— Цыц! Я — царь, дай и мне слово вставить. Теперича вот сюда полюбуйся.

Государь достал из-под стола миниатюрную модель того же самого летающего фрегата и, показав мне, нажал на какой-то шпенок. Махонькие крылышки вздрогнули, затрепетали, рулевое перо выгнулось дугой, крылья замелькали с невероятной скоростью, и вдруг крохотное суденышко поднялось в воздух, сделало плавный круг над нашими головами и село точно на то же место, откуда только что взлетело! Если бы я не видел этого собственными глазами, то... Горох победно усмехнулся в усы, достал из шкафчика глиняную бутылочку и два стаканчика.

— Отметим такое дело?

— За рождение первой лукошкинской авиалинии! — прокашлялся я, крыть было нечем.

Сколько ни пытаюсь привыкнуть к чудесам, все равно есть вещи за порогом моего прагматического разума. Мы проболтали не меньше часа, царю хотелось знать все о воздушном флоте, и я охотно рассказывал, что помнил, о дельтапланах, планерах, дирижаблях, «кукурузниках», пассажирских лайнерах, истребителях и бомбардировщиках. Горох слушал очень внимательно, хотя, по его же признанию, намеревался использовать проект скорее в торговых, чем в военных целях. Однако не учитывать данный фактор было бы глупо — на летающем корабле вполне можно разместить десяток стрелков, дюжину отчаянных рубах, бочонки с зажигательной смесью и даже пушки. На прощание я посоветовал сунуть чертежи под хороший замок и к мастерам приставить охрану.

— Правильно, — кивнул государь, — другого совета от тебя и не ждал. Беру это дело под свою личную опеку. Все бумаги в сундук, сундук на замок и в место тайное, а ключ я вон на шее рядом с крестом православным ношу.

На том и расстались... Представьте себе мое удивле-

ние, когда через два дня Горох собственной персоной, весь в поту и в мыле, ввалился к нам в отделение. Чертежи летучего корабля похитили! Царь скор на расправу и в этом деле почему-то быстро вывел виноватого — меня...

— Никитка, ограбили меня! Из самого терема царского, из ларца потаенного, из места скрытного чертежи секретные ровно дым по ветру развеялись! — бушевал государь, топая ногами. В сенях толпились ближние бояре, у печки тихо прижупилась Баба-яга, храбрый Митяй залег под лавку, казалось, от грозового монаршего гнева попрятались даже тараканы. — Да что ж ты тут сидишь, дурилка милицейская?! Али не царь-государь перед тобой голос повышать изволит? За что я тебе, казны растратчику, жалованье плачу?!

— За поиск и поимку, но никак не за отсутствие краж вообще. Кражи, как таковые, были и будут, но если бы прислушивались к моим советам, то всерьез могли бы снизить их количество. И вообще, прекратите орать, гражданин! — Я привстал из-за стола и шагнул к обомлевшему Гороху. — Митя, подай государю табуреточку, бабушка, будьте добры, чего-нибудь успокоительного, и Еремеева ко мне.

Пока наш младший сотрудник на пару с главным экспертом приводили в чувство пришибленного царя, я высунулся в окно, предупредив начальника стрелецкой сотни о срочном перекрытии всех выходов из города. Фома Еремеев — мужик деятельный, не первый день на милицейской службе и лишних вопросов не задает. Если похитители еще не покинули Лукошкина, то через полчаса отсюда и мышь не убежит.

— А теперь поговорим спокойно: что украли, где, кто обнаружил, кто имел доступ к ключам, кого подозреваете? Говорите не торопясь, я записываю.

— Твоя взяла, участковый... — Горох хряпнул особую настойку валерианы на меду и снизил тон. — Ну как ты себя ведешь? Ведь ровным счетом никакого уважения к

сословию... Обращаешься, словно я тут горожанин обыкновенный, а я ить — царь! Как найдешь чертежи, запустрю тебя на каторгу.

— Вот спасибо,— поморщился я.— Служба есть служба, так что давайте без личных обид. Повторяю вопрос: что пропало?

— Чертежи...

— Конкретнее: какие, сколько, формат бумаги, примерный объем и вес?

— Летучего корабля, десять листов, квадраты по полусажени, в рулон свернуты, один человек легко унесет.

— Ну вот... совсем другое дело,— похвалил я.— Продолжим. Где они лежали?

— Да в сундучке же, а место говорить не буду, придешь ко мне в терем — там покажу.

— Кто обнаружил кражу?

— Я и обнаружил. Ткнулся сегодня поутру, а в сундучке-то и пусто.

— Знакомая ситуация... Вроде как в деле о перстне с хризопразом. Может, опять шамаханцы шалят?

— Наверяд ли... Перстень, вот он, при себе ношу, покуда оборотней проклятых не указывал.

— Ладно, перейдем к более важному... Кого подозреваете?

— Дык... никого... вроде,— призадумался царь.— Народу в тереме случайного нет, чужаки по палатам не шастают, послов да гостей тоже вроде не было...

— Давайте поставим вопрос иначе: кому это выгодно?

Вот тут Горох крепко почесал в затылке... Как я уже упоминал, человек он прогрессивный и далеко не глупый, сложить два и два сумеет без посторонней помощи и по пустякам паниковать не станет.

— Знашь, Никита Иванович, а ведь сразу, с маху не ответишь тебе... Ну, прикидываю и так и эдак — да не выгодно никому! Корабль-то этот — штука мудрая, техническая, не всякому злодею по разумению будет. Шамаханцы, те более всего на чародейство черное надеют-

ся. Немцы, наоборот, наш ум своему равным не считают, для них наша техника — ровно забавка детская... Кто же еще?

— Японцы...— раздумчиво предположил я.— Они со всего мира передовые технологии тащут. Радиоэлектроника, компьютерная техника, роботроника у них на уровне самых высоких стандартов.

— Японцы, говоришь? — насупился Горох.— Слышать слышал, а вот видеть не доводилось, нет их у нас в Лукошкине.

— Жаль...

— А точно они чертежи свистнули?

— Нет, нет... это я так, к слову. Ну что же, гражданин, ваше заявление принято, с сегодняшнего дня начинаем работать по этому делу.

— А я?

— А вы, как говорится, идите домой да спать ложитесь — утро вечера мудренее.— Я пожал царю руку, недвусмысленно указывая на дверь.

— Эй-эй, участковый... так не пойдет! — заволновался государь.— Ты это... того... ты меня от дела не отстраняй, я тоже в раскрытии поучаствовать желаю!

— Но, гражданин...

— Велю голову отрубить! — клятвенно пообещал Горох, глядя на меня самым умоляющим взглядом.

— Ладно, давайте как всегда. Рутинную работу мы берем на себя, а как понадобится брать преступника — я вас вызову.

— Вот спасибо, Никита Иванович! Вот уж уважил царя-батюшку! Вовек твоей доброты не забуду...— Уже в дверях Горох обернулся и напомнил: — Чтоб к вечеру был у меня с докладом о ходе дела!

— Всенепременно.

Когда царский эскорт с помпой укатил по улице, я отошел от окна и попросил у Яги чаю. Бабуля молча поставила самовар и не дыша присела за стол напротив. Я раскрыл блокнот, тупо разглядывая давние записи...

— Организованной преступности у нас в Лукошкине нет. Список наиболее известных воров примерно установлен. Если исключить карманников и конокрадов, то на подобное дело могли решиться человек десять. Бабушка, вы не слушаете!

— Че? Ой, не кричи так, Никитушка,— встряхнулась Баба-яга,— у меня аж сердце чуть не выскочило.

— Я говорю, что вы меня не слушаете. Вы же все время были здесь, почему молчите? Какое ваше мнение по поводу этой кражи?

— Ох, мила-а-ай...— Моя домохозяйка схватилась руками за голову, вытаращив глаза и покачиваясь из стороны в сторону.— Вгонишь ты меня в гроб на сто лет раньше времени... Кто ж тебя, аспида, учил так с царем разговаривать?! Ты ж на самого государя в голос орешь да кулаком по столу барабанишь... Совсем ума нет, что ли?

— Да будет вам...— даже смутился я.— Мы и не скандалили особенно... так, по делу.

— Дите! Чистое дите, не понимает, с кем говорит... А вот осерчает государь да как загонит все наше отделение к черту на кулички с глаз своих ясных, тогда попомнишь слова мои, грубиян ты невежественный! Да рази ж так надо посетителей принимать? Сюда люди идут с бедой, с горем, судьбой али лихими людьми обиженные, мы им помочь обязаны, а тут сам царь...

— Царь — тоже гражданин,— слабо огрызнулся я.

— Вот и то, что гражданин, а ты ему грубости в нос тычешь. Нехорошо, Никитушка... Ты ить при исполнении.

В общем, пришлось извиняться перед своим же сотрудником. После примиряющего чая было принято решение: в отделении не торчать, а до обеда прогуляться в царский терем. Стоило обследовать место преступления на предмет применения магии. Здесь это было делом самым обыкновенным... Баба-яга — незаменимый спец в таких исследованиях, на ее авторитет можно полагаться полностью. Двое еремеевских стрельцов оставались на

охране у ворот, Митьки почему-то не было видно. Странно... Обычно он, при всей своей деятельности, без приказа — со двора ни ногой. Пожав плечами, мы с Ягой отправились к Гороху пешочком. Уже на соседней улице было отмечено массовое скопление народу. Лукошкинцы — люди социально активные, им хлеба не надо — зрелища подавай, а на Малой Базарной, похоже, именно такое зрелище и шло. Видимо, мы с Ягой подумали об одном и том же, поэтому молча, не сговариваясь, направились в ту же сторону. Уже на подходе было видно, какая пестрая толпа народу там собралась. Слышались смех, визг и громкие крики:

— Гляди, православные, как милиция честным людям руки за ноги крутит!

— Какие ж они люди, когда они — цыгане?! И не милиция энто, а Митька беспутный!

— Ой, ромалы-ы! Ой, убил! Совсем убил! Всю руку изломал, да где ж на свете белом справедливость?!

— А ты не суйся, не суйся... Митя наш — человек православный! Раз убивает, значит, есть за что. Ему небось сам участковый разрешил!

— Да, ох и крут порой наш сыскной воевода... По прошлом месяце-то едва ли не все армянское подворье извел! Так же вот Митьку свово, аки пса лютого, науськал... Те, кто выжил, по сей день от укусов чешутся!

— Ай, ромалы-ы! Совсем до смерти убил! Всю убил! Одна за всех муки принимаю! Одна, чавела, насквозь убитая лежу-у-у!

Когда мы пробрались в середину, бедного Митьки уже не было видно. Не знаю уж, чего он там натворил, но здорового парня со всех сторон так облепили беспрестанно вопящие цыганки, что он казался ярко наряженной новогодней елкой. Крикливые юбки резко контрастировали с коричневыми от крика лицами. Ругались одновременно все, причудливо мешая русский мат с диковинными проклятиями на неизвестных языках. Я протолкался к четверым дежурным стрельцам и приказал

без разбирательств доставить всех в отделение. Молодцы надвинули шапки и взялись за непростое дело. А я обратился к народу:

— Граждане! Концерт окончен. Попрошу расходиться по домам. Не сомневайтесь, милиция во всем разберется и виновные будут наказаны! Желающих досмотреть представление до конца жду вечером у ворот отделения. Спасибо за внимание, на сегодня — все!

Как оказалось впоследствии, обещать такое нашему народу чревато... Ну, по крайней мере, неблагоприятно...

В царском тереме нас приняли настроенно. Видно, в запале Горох, как всегда, пообещал снести головы всем подряд. На самом деле он больше грозит, но все ему почему-то верят... Вот и сейчас: охранные стрельцы страшно хмурили брови, пытаюсь выглядеть еще суровее, бледные бояре испуганно крестили окладистые бороды, суматошные дьяки носились взад-вперед с приказами, а прислуга и прочая челядь вообще старательно пряталась по углам. Весь терем жил в предвкушении извержения вулкана, и мы шли по лестнице наверх, сопровождаемые самыми сочувственными взглядами. У дверей в государевы покои нас встретил столбовой боярин Кашкин, я хорошо его знал, в деле о перстне с хризопразом он руководил разоружением шамаханского каравана.

— Здрав буди, сыскной воевода!

— И вам мое почтение... Что у дверей толчетесь, ждете кого?

— Тебя и жду. Одного только... — Боярин многозначительно поглядел на Бабу-ягу, та поджала губки и по-утиному засемила к дальнему окошку. — Пусть уж там пождет, не след ее седую голову под топор ставить. А ты иди, государь о тебе уже два раза спрашивал. Гневается...

— А... Ну тогда я пошел.

— Погодь... дай хоть обниму тебя на прощание, хороший ты был человек, Никита Иванович! — Седобородый

Кашкин смахнул выступившую слезу, по-отечески троекратно облобызав меня в обе щеки.

Царские стрельцы у входа сняли шапки и молча перекрестились. Да, обстановочка тут и впрямь как на минном поле... Я снял фуражку, пригладил вихры и, отважно распахнув двери, шагнул внутрь. Это было похоже на отчаянный шаг дрессировщика в клетку изголодавшегося льва...

На небольшой кушеточке царь-государь в штанах и рубахе навыпуск вовсю обнимался с неизвестной мне особой женского пола. Завидев меня в форме и при исполнении, молодуха взвизгнула и, вырвавшись, с хохотом скрылась в смежном помещении. Судя по всему, там находилась спальня...

— Вежливые люди стучат, прежде чем войти,— попытался пристыдить меня красный от смущения Горох. Я возвел глаза к узорному потолку и философски присвистнул.— Ладно, проходи, садись, коли пришел. Могу рюмочку налить, вон полпряника на закуску осталось... Не хочешь?

— Нет.

— Ну и леший с тобой! Ему сам царь предлагает, а он рыло воротит. Доклад давай.

— Не торопите следствие,— наставительно поправил я.— Докладывать буду по мере продвижения дела, а у нас в нем пока сплошные дыры. Еремеева я предупредил, его молодцы прочесывают весь город и никого не выпускают за ворота. Но, скорее всего, вор залег на дно...

— Утоп, что ли, сердешный?

— Нет, это такое фигуральное выражение. Значит, хорошо спрятался и никак себя не проявляет. Так что нам придется проверить все известные «малины» и «хазы». Возможно, кто-нибудь из криминальной среды даст наводку. Такое преступление без соучастников бы не обошлось, а следовательно, информация где-нибудь да проявится.

— Дельно,— кивнул Горох.

— Но это лишь в том случае, если чертежи действительно куда-то запропали.

— Как это? Да ты на что ж это намекаешь-то, змий трехголовый?!

— На змия и намекаю! — Я откровенно кивнул в сторону объемистого шкафчика, где Горох хранил свои «лечебные» настойки.— Чтобы начинать расследование уголовного дела, следователь должен лично убедиться в самом факте совершения преступления. А если вы тайное место перепутали? А если в сундук положить забыли? А если эти чертежи у вас вообще третий день под кроватью пылятся?

— Стража-а! — царь разобиженно взревел.— Сию же минуту казнить злодея за надсмехательство над государем!

Встревоженные стрельцы сунулись было в двери, но Горох вовремя передумал:

— Вон, охальники! Щас я ему, Фоме неверующему, нос-то утру, а уж потом и на плаху. Вон! Кому сказал?! Сам попозже позову... Никита?

— Да...

— Ну че ты меня во гнев вгоняешь? Я же самодержец, мне по должности самодурствовать полагается. А ты исушаешь меня почем зря... Грех тебе!

— Виноват, исправлюсь.— Я встал со скамьи и потянулся.— Давайте не будем тратить времени, покажите-ка мне ваш сейф.

— Чего?!

— Сундук,— терпеливо поправился я.

Горох кивнул, отвел меня в красный угол, где под иконой Георгия Победоносца ярко горела праздничная лампадка, и попал босой пяткой на выступающий из половицы гвоздь. В полу беззвучно открылся люк, под моим наблюдением царь извлек оттуда средних размеров серебряный сундучок византийской работы и, нащарив под рубашкой ключ, в два поворота открыл замок. Внутри хранились секретные документы, договоры, гра-

моты, дипломатическая переписка и еще какие-то бумаги... Искомых чертежей на первый взгляд не было. В качестве демонстрации надежа-государь вывалил все содержимое на пол:

— Вот, сам гляди! Хоть все бумажки перерой, а таки нужных там нет.

— Проверим,— для порядку наклонился я, хотя профессиональное чутье подсказывало, что чертежей там действительно нет. Однако первым же документом, попавшимся мне на глаза, оказался... секретный план внутреннего устройства лукошкинских оборонительных башен! Договор с поляками о сдерживании германских амбиций, договор с немцами о строительстве крепостей против турок, договор с турками о неприменении вольнонаемных казачьих войск и, наконец, договор с теми же казаками о строгом ограничении appetитов Речи Посполитой в приднепровских ничейных территориях. Как вы понимаете, это далеко не все. Не вдаваясь в дебри политики и личных писем, я тем не менее сделал важную пометочку в блокноте.

В этот момент в соседней комнате скрипнула кровать, Горох поймал мой вопросительный взгляд и нехотя буркнул:

— Ксюха это... девка дворовая, дочка дворника нашего. То ли третья, то ли пятая, он и сам не упомнит. Помогает тут в тереме, где со стола прибрать, где пол помыть, где мусор вынести...

— Ну и?

— Чего?

— Продолжайте, продолжайте, вы же прекрасно понимаете, что я имею в виду!

— Я понимаю? Ничего я не понимаю! — снова раскраснелся государь.— Ты, участковый, во все щели нос не суй, не ровен час, каблуком отдавят... Иди вон воров ловить, а моя личная жизнь тебе без надобности!

— Совершенно верно,— серьезно согласился я,— мои

дела уголовные, так что полицию нравов изображать не буду. Но вот девица эта, Ксения...

— Ой, да будто я у ней всю фамилию выпытывал!

— Ладно, сам уточню у дворника... Так вот, она никогда не спрашивала вас о чертежах летучего корабля?

— Тьфу! Да типун тебе на язык, сыскной воевода! — Горох отобрал у меня сундук и начал лихорадочно записывать туда высыпанные бумаги. — Ну нечто у меня совсем головы нет — бабе секретные документы под одеялом раскладывать! Ты все ж таки думай, что говоришь...

Уложив сундучок на место и возвратив полам первозаданную целостность, государь суховато попрощался со мной, проводив до двери:

— Прощевай, сыскной воевода. Доклады жду каждый день, не исполнишь дела — сам понимаешь... Не наказать не смогу. Хоть и прежние заслуги помню, а тока я — царь, мне иначе нельзя! Либо чертежи на стол, либо валить тебе лес на каторге, выбирай...

— Мы постараемся... — ровно пообещал я.

Горох встал перед дверью, прислушался и поманил меня пальцем:

— Сейчас я орать начну, ногами топать, а как знак дам, так ты отсель без оглядки беги. Мне еще до вечера надо... ну, погневаться... чтоб не беспокоили.

Я кивнул, в принципе все возможное он мне показал, пара версий на уме есть, попробуем их разрабатывать. Вот только на предмет магии мы не...

— Убыю! Запорю!! Обезглавлю!!! Где тут сабля моя острая? Где копье долгомерное? Своими руками на куски изрублю и курам выброшу! И не моли меня о пощаде... Все! Все, участковый, пришла твоя смерть безвременна-а-я!!!

Я напружинил ноги и приготовился к низкому старту, Горох уже поднял руку вверх, и тут...

— Никитушка! Держись, милай, иду-у-у! — Двери вынесло вместе с бедными стрельцами. Грозная, как цунами, Баба-яга бодро шагнула в царские покои мне на вы-

ручку! Прыгнув вперед, я закрыл спиной обомлевшего государя... Глаза Яги отсвечивали красным.

— Бабуля, бабуля, все в порядке! Никаких проблем, мы мирно побеседовали.

— Да неужто? — недоверчиво сощурилась моя хозяйка.— Ты не врешь ли мне, Никита? Я ить сама, своими ушами слышала, как тебя здесь смерти лютой предают...

— Э... шутка! — выдавил царь Горох, осторожно высываясь из-за моей спины.— Чтой-то вы, бабушка, сегодня шуток не понимаете?

Переглянувшись, мы все облегченно выдохнули.

— Раз уж такое дело, давайте поставим дверь на место и все-таки просканируем сундучок на предмет использования магии. Возражений нет? Прошу эксперта пройти вот в этот угол... приступайте.

Домой было решено прогуляться пешочком. Горох предлагал карету и эскорт, но мы отказались. Кое-какие вопросы следовало обсудить на свежем воздухе, без лишних свидетелей, поэтому пошли мы не напрямик, а обходной дорожкой, вдоль речушки со странным названием Пучай. Я выкладывал свое мнение первым:

— Факт исчезновения чертежей приходится признать. Не уверен, что там имела место именно кража, царь все-таки мог их куда-нибудь засунуть и забыть, но пока давайте разработаем версию предполагаемой кражи. Итак, основной вопрос во всех подобных случаях: зачем?

— Да мало ли...— вздохнула Яга.— Может, какому жулью в небе полетать захотелось?

— Обычный вор найдет, что взять из царского терема и кроме чертежей. Не доросли у вас тут еще, чтобы ценную техническую информацию воровать. Тогда встает вопрос о возможном заказчике...

— Так ведь, Никитушка, царь же говорил вроде, что не выгодно это никому.

— Это по его мнению — невыгодно, а кое-кто считает иначе. И кое-кому эти чертежи нужны просто до зарезу.

Я мельком поглядел, что лежит в гороховском тайнике, там та-а-кие секретные документы... Да разведки всех соседних держав заплатили бы сумасшедшие деньги за возможность их перефотографировать! Но ничего из этого не пропало... Вора, если он, конечно, есть, интересовали исключительно чертежи летучего корабля. А что показала экспертиза?

— Обнюхала я все, что могла...— по-простому объяснила бабка.— Колдовства черного не было. Видать, так, по-простому взяли. Замочек без всяких заклинаний, ключом открыли, но кража все ж таки была! Запах от сундучка шел... женский.

— А, ну это не доказательство. Там, как в доме свиданий, все этими ароматами пропахло.

— Не то, Никитушка,— досадливо поморщилась Яга.— Уж чем там царь-государь занимается — его забота, и не нам о том судить. Но запах был... чужой какой-то, не наш, не лукошкинский.

— Хм... отрабатывать версии о всех девицах Гороха будет очень непросто,— призадумался я.

— Так всех и не надо, нам тока бы за последние две недели порасспросить.

— Хорошо, бросим на это дело Митьку, его девки любят, он у них за семечками все и разведает.

— А мы с тобой чем руки займем?

— А мы попробуем выяснить, какие из иностранных посольств в стенах столицы ведут сейчас самую активную деятельность и не связаны ли они каким-то образом с представителями местного криминального мира...

— Думаешь среди послов заморских заказчика тайного отыскать?

— По крайней мере, стоит попробовать. Что мы теряем?

Баба-яга согласно кивнула. Терять нам пока действительно нечего. Это в прошлый раз нам даже опомниться не дали, устраивая одно покушение за другим. А сейчас мы мирно гуляли вдоль реки, наслаждаясь последними

теплыми денечками. Дело о краже чертежей начиналось как-то лениво и буднично, казалось, что и само расследование соответственно будет спокойным и неторопливым, без особенных эксцессов... Ну все почти так и было, почти...

Крики, песни, смех и музыку мы слышали задолго до того, как свернули к отделению. У наших ворот толпилась куча народу, многие висели на заборе, и все шумно обсуждали все, что происходило внутри. А там, судя по всему, стоял дым коромыслом!

— Че вытворяют, че вытворяют-то, а?! Вот гульба так гульба-а... Отродясь такой срамоты не видели!

— Бабоньки, а моего там не видать? Как ушел с утра за поллитрой в честь крестин, так до сих пор и нет кровопийцы...

— Ох и лихо цыгане пляшут! Бедовый народ! А бабы ихние как юбками трясут, ажно все поджилочки ходунном ходют... А вон, вон одна плечи заголяет!

— Постыдился бы, дедуля! В твои-то годы на заборе сидеть...

— Бабоньки, а моего-то там точно нет?! Он ить, супостат, как примет, так по цыганкам и шарит. Говорит, песни про любовь у них дуже жалостливые... Ну, он придет, я ему сама спою!

— Глянь, православные, как стрельцы пошли... От ить головушки забубенные, и споют, и спляшут, и службу милицейскую справить не постесняются!

— А в центре-то кто?! В бабьем сарафане, сам с каланчу, частушки орет да лаптями грязными во все стороны шарит? Видать, деревенский... городские такую похабщину не поют... Ох и складно выводит, стервец, аж сердце радуется!

Пока мы с Бабой-ягой деликатно проталкивались к воротам, меня догнал сумрачный Еремеев. Видимо, слухи о несанкционированной дискотеке на территории милицейского отделения распространились по городу быстро.

ДЕЛО БЫЛО В ЛУКОШКИНЕ

О цикле А. Белянина «Тайный сыск царя Гороха»

Ох уж этот детектив! Сколько жарких споров велось и ведется вокруг него. Можно ли его считать «высокой литературой» или ему на веки вечные уготован удел прозябать на ее задворках, числясь по штату массовым, бульварным чтивом? Способен ли он рождать полноценные образы и высокие чувства? А постулировать глубокие мысли? При этом одни с пеной у рта защищают любимый жанр, ссылаясь на примеры Достоевского и Эко. Другие с презрением отмахиваются, тыча пальцем в тома Флеминга и Спиллейна. Так кто же прав? И где истина?

А она, как всегда, посередине. Детектив многолик и разнообразен, как сама жизнь. Он может быть и психологическим, и философским, и сугубо развлекательным. Это уж кому что нравится. Главное же его свойство в том, что детектив уже по определению жанр нескучный. Именно это, скорее всего, и привлекло к нему внимание писателя-фантаста Андрея Белянина, когда он начал работать над циклом «Тайный сыск царя Гороха». Здесь автор практически шел по первопутку. Ну, в зарубежной литературе примеров не счесть. Например, тот же Роберт Асприн, которого Белянин считает одним из своих учителей. В российской же фантастике аналогов почти не было. Фантастические детективы имелись, и в достаточном количестве. Однако они слабо подпадали под определение «веселый». Ну от силы «сатирические». Это уже после выхода первых книг белянинского сериала появились сочинения, написанные в том же духе.

А когда Андрей только принимался за «Тайный сыск», его романы были редкостным явлением для российской фантастики тех лет. Редкостным уже хотя бы потому, что главным героем веселых фантастических детективов Белянина («Тайный сыск царя Гороха», «Заговор Черной Мессы», «Летучий корабль», «Отстрел невест», «Дело трезвых скоморохов», «Опергруппа в деревне») стал не крутой сыщик-супермен, балансирующий на грани закона и беззакония, не хитроумная зеленоглазая блондинка, владеющая приемами карате и восточной магией, а обычный парень, участковый милиционер. Этакий гибрид дяди Степы и Анискина. С той «небольшой» разницей, что работать ему приходится в совершенно сказочных условиях.

Все упомянутые выше романы условно можно разбить на две трилогии: «Опергруппа в Лукошкине» и «Батюшка сыскальной воевода». Действие происходит то ли в стольном городе, то ли в деревне «государственного значения» Лукошкине. Примечательно, что столица сказочного мира отнюдь не напоминает современные мегаполисы. Белянин, сам житель тихого губернского городка, расположенного на окраине великого государства Российского, изображает то, что хорошо знакомо именно

ему, что близко многим среднестатистическим россиянам, в крови у которых настроенное отношение к шумным многомиллионным муравейникам. В Лукошкине читатель из глубинки с удивлением и радостью «узнает» свой родной населенный пункт. Подобных не счесть на Святой Руси. В нем с легкостью угадываются и Вологда, и Великий Устюг, и Владимир, и Астрахань, и... Одним словом, малый мир, равный великому, где есть чем гордиться и где каждый житель на виду.

У писателя, когда он создавал Лукошкино, уже имелся опыт конструирования такого идеального государства, в котором его герою — путешественнику во времени живется легко и комфортно. Вспомним мир «Меча Без Имени». Но там мы имели дело с условным «западным» Средневековьем. Да, яркое, колоритное, но, увы, не свое. А в «Тайном сыске» читатель вслед за героем переносится в реальность, хорошо знакомую ему по сказкам, по читанным в школе былинам.

Этот удивительный мир живет по патриархальным законам. Он не идеален. Отнюдь. Но ведь так и должно быть хоть наяву, хоть в сказке. Иначе жизнь просто закиснет, остановится. И все же в основном, в самой своей сердцевине, Лукошкино — это чрезвычайно здоровый организм, отторгающий все наносное, ненастоящее, чуждое. Дурман чужеземной религии, покушающейся на души лукошкинцев, межнациональная рознь, вносящая неустройство в повседневный уклад царства, навь — зелье, угрожающее физическому здоровью горожан, — все это получает должную оценку и мощный отпор. Власть и подданные становятся монолитной стеной, преграждающей путь лютым ворагам. Как раз это и может показаться в белянинских книгах подлинной фантастикой, утопией на фоне многочисленных сочинений, разоблачающих коррумпированную правящую верхушку. Однако автор не выдумывает искусственные разрешения конфликтных ситуаций, а просто вспоминает славные страницы нашего прошлого. В години лихих бед и напастей русское общество всегда объединялось ради торжества правого дела. Воссоздавая в своих романах сюжетные коллизии, до боли напоминающие острые проблемы современности, и предлагая совсем не радикальные, а вполне реалистические рецепты выхода из них, фантаст неизменно остается верным себе, своему кредо. Добро должно торжествовать. А для этого людям нужно для начала хотя бы услышать друг друга, улыбнуться, сделать шаг навстречу друг другу, протянуть руки.

«Не стоит село без праведника», — гласит старинная русская поговорка. Само собой, есть таковые и в Лукошкине. Тот же отец Кондрат, не раз свершавший духовные подвиги во спасение столицы и ее обитателей. Но «Тайный сыск» — детективный цикл. И, естественно, детектив держится не столько на «праведниках», сколько на сыщике. Хотя в принципе в криминальном романе возможно и совмещение в одной фигуре обеих ипостасей. Особенно когда следователем становится духовное лицо (патер Браун, отец Кадфаэль, сестра Пелагия и пр.). Никита Иванович Ивашов, главная лукошкинская «достопримечательность», далек от религиозных кругов. Перенесенный волею судьбы в царство славного Гороха (в образе которого отчего-то угадывается Иван Васильевич, хоть и Грозный, но более напоминающий того, что «меняет профессию»), он не

устраивает здесь революций и переворотов, не становится императором и не ведет затяжных войн, а довольствуется скромной должностью участкового и суровыми буднями службы, которая «и опасна, и трудна».

Цитата из песни, звучавшей в милицейском сериале «Следствие ведут ЗНАТОКИ», не случайна. Потому что в новообразованном царем Горохом отделении милиции служит почти такая же тройца: сам Ивашов (начальник и «сыскной воевода»), эксперт-криминалист Баба-яга (которая Кибрит за пояс заткнет) и Дмитрий Лобов — «герой с фигурой Терминатора, только ростом повыше, а мозгов... вровень, что у одного, что у другого». И вот эта тройца в меру своих сил и возможностей сражается со всевозможной нечистью, пытающейся погубить землю Русскую. То это «лица восточной национальности» — шамахань, наводнившие столицу двойниками первых чиновников государства, то заезжие немцы-проповедники, желающие отдать Русь во власть Вельзевула, то Кощей Бессмертный, похитивший чертежи летучего корабля, то некая мерзкая личность, устроившая охоту на царских невест, то гастролеры-скоморохи, пытающиеся наладить в Лукошкине наркоторговлю, то готовая пробудиться Карга-Гордыня. Прямо скажем, дела большей частью не совсем традиционные для правоохранительных органов, работающих в «сельской местности».

Если уж пошли параллели с кинематографом, то уместно будет вспомнить и совсем еще свежий детективный сериал «Участок», получивший небывалую популярность и благодаря чудесно подобранному актерскому составу, и из-за прекрасных, берущих за душу песен, и (в немалой степени) вследствие обращения авторов к сельской жизни. Что-то изменилось в наших душах за последние несколько лет. До смерти надоели бесконечные перестрелки и кровавые разборки столичного криминалитета, воплощаемые мастерами искусств на бумаге и киноплёнке. Неудержимо потянуло к родным корням, истокам нашей «цивилизации». В колоссающееся поле с синевыми в золоте васильками. На реку с гуляющими окуньками и затаившимися в ямах пудовыми сомами и щуками. К простым и понятным человеческим отношениям. Здесь если и совершаются преступления, то они как-то стушевываются, растворяются на фоне окружающей природы. Представляется, что таковой была изначальная сверхидея авторов «Участка». Об этом в основном пишет и автор «Тайного сыска царя Гороха».

Белянин чутко уловил потребности читательской аудитории и предложил ее вниманию «провинциальный», деревенский детектив. Выше мы уже упоминали персонажа произведений Виля Липатова, сельского участкового Анискина. Какой популярностью пользовались в свое время книги и фильмы о нем! Это был настоящий «русский Мегрэ». Хитроумный, проницательный, цепко подмечающий едва заметные мелочи и затем складывающий из разрозненных кусочков цельную картину. Но не только своими профессиональными качествами хорош был Анискин. Да, раскрыть преступление для него дело чести. И при этом не забыть бы, что преступник тоже человек, что у него могли быть свои причины для дурного поступка, что он имеет родных, которым придется здесь жить после того, как суд вынесет приговор. Нужно осмыслить все тонкости.

Не наломать дров, не рубить сплеча. Такое под силу лишь подлинному психологу, человеколюбцу. Белянинского героя вполне можно считать «внуком» и преемником седого чудака, разбиравшегося то с Фантомасом, то еще с каким-нибудь доморощенным «джелтьльменом удачи».

Никита Ивашов — типичный сельский (поселковый) участковый, хоть и начинал службу в большом городе. Конечно, служить в условиях «неправового государства» ему поначалу трудновато, но со временем это проходит. Постепенно лукошкинцы и «сыскной воевода» притираются друг к другу. Никита Иванович со всеми знаком, ведает, чем живут и дышат его подопечные. Причем интересуется бедами и радостями новоявленных сограждан не только с профессиональной точки зрения, но и чисто по-человечески. Со своей стороны, Ивашов тоже не отгораживается от «придирчивых глаз» соседей. Подобная взаимная открытость и приводит к тому, что молодой милиционер становится органичной частью лукошкинского мира. Простой народ видит в нем не одного лишь очередного государева чиновника, а своего заступника. Вспомним сцену народного бунта из «Летучего корабля», когда горожане требуют от царя Гороха освободить «батюшку участкового». Или их активное участие в устройстве личной жизни парня. Люди проявляют по отношению к Никите ту же заботу, что и он к их проблемам. Таким образом, правомерно говорить об определенной доле реализма и типичности образа главного героя цикла.

С другой стороны, в центральном персонаже «Тайного сыска», несомненно, присутствуют элементы идеализации, сказочности. Он наделен привлекательной внешностью, небывалой храбростью, удачливостью. Ивашов не раздумывает, когда нужно грудью встать за землю Русскую, за веру отеческую и народ православный. Он идет и побеждает, с каким бы количеством злодеев ни пришлось сражаться. И напоминает при этом былинных богатырей, заметно отличающихся от традиционных для европейской литературы образов рыцарей без страха и упрека. Для тех главным было служение государю и оборона веры, а все прочее прилагалось. Для сыскного же воеводы, как в свое время и для Ильи Муромца, личность монарха не имеет такого сакрального смысла, как для Роланда или Сида. Царь Горох в его представлении не более чем житель Лукошкина. Его точно так же необходимо охранять или призывать к ответу, как и любого другого горожанина. Закон один для всех, на то он и закон.

Никита Иванович — это еще и поэтически настроенная натура, способная тонко чувствовать и понимать природу. Недаром к нему тянутся всевозможные персонажи отечественного фольклора, связанные именно с природой: русалки, полевики, водяной, леший, домовый «кавказской национальности». Сам Кощей Бессмертный (местный криминальный авторитет) и Карга-Гордыня относятся к сыскному воеводе с уважением, хотя и пытаются при каждом удобном случае его извести.

Симпатичны и двое других ЗНАТОКов. Хорош увалень Митька — любитель кислой капусты и большой охотник до знатной потасовки. Это, как и его непосредственный начальник, также исконно русский характер, выписанный в традициях русских сказок, и в то же время дружеский шарж на некоторых сотрудников милиции младшего звена. Излиш-

нее административное рвение и какая-то по-детски наивная, умиляющая любовь к сыщицкому труду нередко доводят Лобова до неприятных ситуаций: то его в петуха превратят, то сразу пять невест явятся в райотдел осматривать будущее место жительства, то бедняге приходится чуть ли не в запорожцы записываться. Умудренная годами и опытом, присмирившая и проникающаяся религиозным духом (напомним ее манипуляции со святой водой, которую ей по «черноте» собственной природы вроде бы держать в доме не положено) Баба-яга сглаживает шероховатости, проистекающие от буйства крови молодых сослуживцев, выступая в качестве миротворца и няньки. Парадоксально то, что этот персонаж больше всех печется о чистоте милицейского мундира. «Да рази ж так надо посетителей принимать? — усовещивает Баба-яга Никиту, нагрубившего царю. — Сюда люди идут с бедой, с горем, судьбой али лихими людьми обиженные, мы им помочь обязаны».

Говоря о тройке сыщиков, нельзя не вспомнить и того, кому они формально подчинены и кому верой и правдой служат. Разумеется, это любитель выпить, закусить и побуяннить царь Горох. По его инициативе организован «тайный сыск». Кстати, это не совсем точное определение того, чем заняты Никита Ивашов со товарищи. Тайный сыск на Руси обычно ведал государственными, политическими преступлениями. По словам самого автора, его цикл с самого начала назывался «Частный сыск царя Гороха» (что, на наш взгляд, более близко к истине), но при наборе возникла путаница.

Легендарный государь из русских сказок у Белянина получил, что называется, вторую жизнь. В нем воплотилось идеальное представление писателя о власти и ее отношениях с народом и чиновничеством. Пожалуй, это один из наиболее прописанных в пенталогии персонажей. Если сыскари при всей нашей к ним симпатии все же образы-маски, то Горох личность развивающаяся. Это как бы белянинский вариант Петра Великого. Он проходит сложный путь от типичного русского барина-самодура до человека, открытого всему новому, жадно впитывающего дух реформ. Его юродство, блажь не более чем маска, за которой скрывается ранимая и нетривиально мыслящая личность. Не случайно, перебесившись и успокоившись после очередного припадка буйства, царь порой выдает такие решения, что пришелец из XX века Ивашов просто диву дается. И живет Горох по тем заветам, которые давал еще Владимир Мономах в своем знаменитом «Поучении чадам своим». Он готов голодного накормить, бездомного приютить, с нищим последней рубахой поделиться и вообще «душу положить за други своя».

Колоритны второстепенные персонажи цикла: чуть смахивающая на Екатерину II (хоть и не столь любвеобильная) царица Лидия Адольфина, вьедливый дьяк Филимон Груздев, «альтернативный» сыщик Паша Псуров, бравый сотник Фома Еремеев, запорожский полковник Чорный. Многие из них имеют реальных прототипов, списаны Беляниным со своих друзей и знакомых. Автор намеренно заостряет кое-какие черты их характеров, превращая это в прием организации смехового пространства романов. Так, например, весьма комична сцена «отравления» бравого предводителя казаков топленным молоком.

Одной из особенностей поэтики романов цикла «Тайный сыск царя Гороха» является наличие в них литературных реминисценций и параллелей. Это вообще один из распространенных приемов в современной российской фантастике. Некоторые писатели используют в своих текстах скрытые, но всеми узнаваемые цитаты из произведений коллег по цеху. Это своего рода игра. Примеры такого рода находим в романах Л. Вершинина, А. Валентинова, В. Васильева, С. Лукьяненко и Ю. Буркина и других. Некоторые авторы уснащают книги реминисценциями для того, чтобы поставить свои сочинения в общелитературный контекст. В подобном ключе работают Г. Л. Олди, А. Зорич. Творчество Андрея Белянина ближе ко второму роду сочинений. Расставив в начале «Тайного сыска» определенные литературные маячки-ориентиры, показывающие, на что именно может рассчитывать читатель, взявший в руки его книгу, романист в дальнейшем не возвращается к этому. Уже в «Заговоре Черной Мессы» реминисценций и сюжетных переключек на порядок меньше, в «Летучем корабле» их почти не встретишь. Зато «Отстрел невест» полон добродушных шаржей на друзей-приятелей. Воссоздавая образы украинских казаков, автор вывел на страницах романа ведущих представителей харьковской школы фантастов: «Олекса Енот — мал да удал, коней диких объезжает и в барабан лихо бьет. Дрон Шмалько, писарь ихний, дак тот вообще человек учености немереной. Владко Свержа — саблей лучше всех машет, а горькую и не пьет почти. Есть, правда, два баламута, черный с рыжим... Но тока они чужого нипочем не возьмут — для них престиж запорожский дороже денег! Да и прочие...»

Украинские страницы в «Отстреле невест» — это особый мир. Мир, воспетый великим малороссом Гоголем. Мир, еще недавно бывший частью общероссийского. Белянину в этой оппозиции «свое» — «чужое» удалось избежать резкого антагонизма. Да, украинцы отчасти не похожи на русских. В представлении писателя они более медлительны, раздумчивы. Но они так же, как и лукошкинцы, любят выпить и закусить. Запорожцы умны, им не чужды понятия чести, благородства, взаимовыручки. Какое деятельное участие гости принимают в проводимом Никитой Ивашовым расследовании преступлений! Удачно, на наш взгляд, решена в этом романе проблема передачи украинской речи. Белянин не пошел по пути имитации, пародирования ее. И одновременно он не усложняет текст чересчур литературной украинской лексикой, которая может быть непонятной российскому читателю. Здесь, думается, сказалось очевидное влияние Гоголя, его «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

В «Опергруппе в деревне» обыгрывается известный сказочный сюжет о Спящей красавице. Если внимательно присмотреться к этой повести-сказке, то обнаружишь, что перед тобой не что иное, как вариации на тему хрестоматийного зачина к поэме Пушкина «Руслан и Людмила». В книге оживают практически все персонажи, упомянутые великим поэтом. Тут тебе и «ступа с Бабою Ягой», и кот ученый, и русалки, и Кощей Бессмертный, и доблестный витязь, и томящаяся в заточении царевна, и «тридцать витязей прекрасных» (ну пусть их в сотне Еремеева и побольше будет). В общем, «там лес и дол видений полны».

Несмотря на сказочный антураж цикла, в «Тайном сыске» ощущает-

ся прямая связь с современностью. «Знаете,— говорит главный герой в «Летучем корабле»,— я здесь уже полгода и первое время только и думал, как вернуться обратно в свой мир. Не то чтобы здесь так уж плохо... Милицейская служба востребована во все времена, даже при царе Горохе, тем более что царь у нас деятельный и работать при нем интересно. Но домой все же тянуло страшно. Потом одно дело, второе, третье, кражи мелкие, профилактические операции, общественно-разъяснительная деятельность, как-то отвлекся... А уж когда ухнуло памятное «Дело о перстне с хризопразом»,— тогда и стало ясно, где моя настоящая родина. Не в далекой, затерянной в будущем, коммерческой Москве конца двадцатого столетия, а в небольшом городке Лукошкино, в древней полусказочной Руси, где простому народу без защиты родной милиции — ну никак». На первый взгляд Русь сказочная в оппозиции России современной. Однако, присмотревшись повнимательнее, вы увидите, что противопоставления нет. Никита Ивашов сталкивается с теми же проблемами, что и в своем собственном мире: военные действия с восточными соседями; борьба с распространением всевозможных нетрадиционных, зачастую опасных для людей религиозных учений; промышленный шпионаж; самогоноварение и беспробудное пьянство; вмешательство непрофессионалов в работу правоохранительных органов. «Любимого коня цыгане свистнули? Бояре в думе из-за бюджета передрались? Ключница пропала, к подвалам не подойдешь, а у государя меда сорокаградусного для лечения не хватило? Тоже нет?! Господи, да что же там у вас... Неужели дьяк Филимон свои мемуары за границей большим тиражом выпустил, гад?!» Понимаем всю неспоставимость этих литературных явлений, но романы Беянина порой напоминают популярный цикл «высоких» детективов Б. Акунина об Эрасте Фандорине. Там автор прячется в девятнадцатом веке, здесь — в фольклорно-сказочном пространстве. Однако результат остается тем же.

При всей внешней простоте текстов Беянина, их веселости они буквально насыщены символикой. Чего стоит одно лишь только царство размером с деревню или небольшой городок! Или петух — символ пробуждения и спасения? Всем сотрудникам Лукошкинского райотдела он надоел до смерти, все (кроме Бабы-яги) его мечтают пришибить. Охота на непоседливую домашнюю птицу, проходящая через все романы цикла, комична. Но как раз петух-то и спасает не единожды героев от Кошца Бессмертного и прочей нечисти.

Судя по всему, в будущем нас ожидает продолжение приключений героя. Что ж, даст бог, он одолеет супостата и в очередной раз. По нашему мнению, книги Беянина из цикла «Тайный сыск царя Гороха» просто обречены на успех и долгую жизнь. Потому что людям нравятся добрые и веселые сказки с хорошим концом. Хоть взрослые это и старательно скрывают.

Игорь ЧЕРНЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА	7
ЗАГОВОР ЧЕРНОЙ МЕССЫ.	207
ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ	411
<i>Игорь Черный. Дело было в Лукошкине.</i> <i>О цикле А. Беянина «Тайный сыск царя Гороха» . . . . .</i>	632